

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Попова Ольга Валентиновна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ СТАБИЛЬНОСТИ И
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Специальность 23.00.02 — политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2002 г.

Работа выполнена на кафедре политических институтов и прикладных политических исследований философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Барыгин Игорь Николаевич

доктор политических наук, профессор
Елисеев Сергей Михайлович

доктор философских наук, профессор
Сморгунова Валентина Юрьевна

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет

Защита состоится «_____» февраля 2003 г. в ____ часов на заседании Диссертационного Совета Д.212.232.14 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук при Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5, философский факультет, ауд. _____). С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки СПбГУ им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 200__ г.

Ученый секретарь

Диссертационного Совета,

доктор политических наук, профессор

/В.А. Ачкасов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Перестроечные и постперестроечные события в России не только коренным образом изменили структуру властных институтов в нашей стране и ее экономический строй, но повлияли на политическое сознание граждан. Исследователи используют множество понятий и концепций для описания состояния изменчивости современных обществ. На смену теории революций и реформ пришла концепция первичной и вторичной модернизации. В конце 1990-х годов ученые все чаще стали говорить о трансформации или о транзите общества, подчеркивая глобальность изменений при отсутствии целеполагания (реформы не «подстраиваются» под какую-то «великую» цель, а связаны исключительно с практическими, прагматическими и часто — сиюминутными задачами) и невозможности определения конечного результата изменений. Особенно это касается стран, которые находятся в стадии постиндустриальной трансформации. Подобное общество нельзя «построить». Постиндустриальная стадия является «естественной» ступенью эволюционного развития социума. Понятие транзита достаточно часто используется при описании процессов демократизации в посткоммунистических государствах. В целом о демократическом транзите следует говорить как о периоде институциональных изменений и неопределенности, сопровождающемся конфронтацией политических интересов, установок, стратегий действий участников политических процессов. Переход к демократии связан с глобальными изменениями на двух уровнях — на институциональном, что предполагает реформу экономической и политической системы, и социальном, что порождает перемены в ментальности и социальной психологии граждан, как элиты, так и масс. Однако анализ политической идентификации в меняющемся обществе предполагает рассмотрение ситуации не только в посттоталитарных странах, но и в странах стабильной демократии, которые переходят в информационную стадию. В стабильных странах наблюдаются межгенерационные (межпоколенческие) изменения, свой вклад в изменение политической жизни вносят социальные движения, в том числе женское движение. Наконец, на восприятие мира политики влияют процессы интеграции и глобализации.

Некоторыми отечественными и зарубежными исследователями теория политической идентификации до сих пор трактуется как весьма узкая концепция, объясняющая (наряду с иными) электоральный выбор избирателей в государствах с партийными системами, длительное время не подвергавшимися изменениям. Однако этот подход устарел, политическая идентификация влияет не только на электоральное поведение. Это понятие связано и с другими аспектами политического самоопределения граждан. Необходимо трактовать категорию «политическая идентификация» как вид установок политического сознания. В англоязычной научной литературе используют несколько близких по смыслу понятий (*loyalty, partisanship, support, identity,*

identification). «Loyalty» определяют как преданность партии, проявляющуюся в реальном голосовании за нее, «partisanship» — как общую поддержку политической партии, «identity» — степень «аутентичности чувствования», ощущение принадлежности себя к определенной группе и декларируемым политическим взглядам, «identification» понимается как процесс достижения идентичности, «support» — как участие в акциях поддержки группы или организации.

Категория «политическая идентификация», как и многие иные понятия политической науки, была заимствована из социологии, социальной психологии и антропологии в середине XX в. В самом общем смысле под идентификацией понимают процесс становления представлений индивида о себе, своем месте в мире, об отношениях с собственной статусной и референтной группами. Проблемы идентификации становятся особенно актуальными в переломные, кризисные периоды в истории стран. Самоидентификация проявляется в деятельности социальных групп и политических институтов, она связана с социальными статусом и ролью, но определяется не только ими, но и индивидуальными особенностями личности. Человек конструирует идеальную модель мира и своего положения в нем. При этом его отношение к объектам политической реальности строится с помощью оценки «близости» социальной позиции. Политическая идентификация выступает средством объединения и дистанцирования по отношению к другим людям, политическим организациям, институтам власти.

В социологии идентификацию часто определяют как психологическую категорию, отражающую процесс и результат эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом, идеалом. Термин заимствован из психоанализа, где он интерпретируется главным образом как бессознательный процесс подражания поведению или определенным качествам какого-то лица. В рамках психоанализа под идентификацией также понимается самопрезентация личности. Но данное понятие давно вышло за рамки психоанализа, в социально-психологической и социологической литературе этот термин приобретает более широкое значение. В социальной психологии и психологии личности идентификация означает имитацию и эмоциональное слияние, переживание субъектом той или иной степени тождества с объектом. В социологической литературе под идентификацией обычно понимают один из механизмов социализации личности, с помощью которого приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли и моральные качества представителей социальных групп, к которым принадлежит данный индивид. Возможны две модели идентификации: «я – ты – другой» или «я – другой – чужой – враг».

Политическая идентификация является разновидностью идентификации социальной. Под социальной идентичностью, как правило, понимают характеристику индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (половой, возрастной, экономической, этнической,

профессиональной и т. д.). Определение социальной идентичности отвечает на вопрос «Кто это?». Все личностные дескрипторы (описания, характеристики, оценки), отвечающие на вопрос «Какой это человек?», непосредственно соотносятся с идентичностью социальной, подразумевают ее, поэтому никакие психологические описания и нормативы не имеют смысла без учета социальной идентичности, причем каждый индивид обладает несколькими социальными идентичностями, отличающимися друг от друга. В сложных обществах это создает проблему индивидуальной идентичности или «самости», т.е. интеграции и иерархизации разных социальных ролей индивида в его самосознании. Эта семантическая особенность отмечена многими авторами психологических концепций личности.

Проблема социальной идентичности также имеет этнокультурный аспект. В западноевропейской традиции подчеркиваются единство и цельность личности независимо от ее конкретных социальных идентичностей; текучесть и зависимость личностных свойств от системы социальных ролей рассматриваются как нечто болезненное или как показатель «кризиса идентичности». В восточных культурах высоко ценится «свобода от самости» и акцентируется множественность «Я», представленная как совокупность относительно автономных рядов отношений, прав и обязанностей. Эти различия проявляются на уровне теории (религиозные, философские и т.п. представления, идеология) и обыденного массового сознания и языка.

Попытки использовать теорию идентификации только для объяснения электорального поведения потерпели явное фиаско уже в 1970-х годах. Помимо того, что теория партийной идентификации эффективно могла быть использована для объяснения выбора той или иной партии в процессе голосования лишь в условиях устойчивой двухпартийной системы, исследователи в течение последних двух десятилетий были вынуждены признать увеличение числа людей, отказывающихся прямо идентифицировать свои политические взгляды с определенной партией или идеологией. Кроме того, в современном мире политическая идентификация индивидов, социальных групп, политических объединений определяется все большим числом объектов, выступающих в качестве «системы координат» для их политического самоопределения. Вместе с тем значительное количество научных публикаций, посвященных изучению различных аспектов политической идентификации, явно свидетельствует о возрастании интереса к данному феномену.

Степень научной разработанности темы. Существенное влияние на формирование теории идентификации оказали философы (Фромм Э., Хабермас Ю., Хайдеггер Ю.), психологи (Фрейд З., Эриксон Э., Адлер А., Лакан А.), социологи (Бурдьё П., Зиммель Г., Тоффлер Э., Мид Дж., Бергер П., Лукман Т., Гофман И.) и политологи (Лазарсфельд П., Даунс Э., Гаудет Х., Берельсон Б., Кемпбелл Э., Конверс Ф., Миллер У., Стоукс Д.). Направления исследования идентичности и идентификации в обществоведческой мысли в последние два десятилетия XX в. многообразны. Активно

разрабатывается тема самосознания в контексте исследований психоанализа (Борх-Якобсен М., Воглер К., Дойс В., Крэйб Я., Московичи С., Павленко В.Н.), методологий (Абельс Х., Гасилин В.Н., Малахов В.С., Щурбинин А.И., Микаел М., Шумахер С., Суинборн Р., Николсон Л., Сейдман С., Уэйгерт Э.) и методик изучения формирования социального «Я» (Пирс Р., Шматко Н.А., Даудрих Н., Патаки Ф., Каллеро П., Хэйр Р., Прайс В., Хиз Э.). Продолжают вызывать интерес публикации советских ученых середины 1980-х годов (Кон И.С.). Лингвисты анализируют языковые средства идентификации объекта (Антаки Ч., Петренко В., Уиддикомб С., Паттанаяк Д.). В области внимания философов и социологов находятся концептуальные проблемы групповой и личностной идентификаций (Заковоротная М.В., Панов Е.Н., Калашникова Е.М., Спасибенко С.Г., Бенсивенга Е., Уорхел С., Мелин Р., Дженкинс Р., Бэкхорст Д., Сипнович Ч., Гилс М., Эванс А.С., Шоттер Я., Келмер Х., Джерген К., Трэверс Э., Уильямс Дж., Уи Куанг-Минг, Лоу Р., Бабад Е., Бирнбаум М., Бенне К.Д.). Культурологов социальная идентификация (наряду с нравственной ответственностью) привлекает как составляющая политической культуры (Пайл С., Трифт Н., Доманов О.). Большое внимание уделяется истории изучения социальной идентичности и идентификации в философских науках (Деджнокс Дж., Сейтз Б., Ровейн К., Трубина Е.Г., Ставракакис Я., Феррара А.). Идентификация рассматривается также как метод сравнительного исследования (Фэйрбах Г.). Социологи делают акцент на множественности идентификаций и социальных ролей индивида (Уодвард К., Хэртстоун М., Аугостиньос В., Фельдман С., Киф Р., Колак Д.), на взаимосвязи трансформации социальной структуры общества (в его кризисной и стабильной стадиях развития) и системы ценностей, статусной самооценки личности (Джеkmэн М., Джеkmэн Р., Ловелл Д., Кэннон Л.В., Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Овчинникова Ю.Г., Петрушина И.Ю.). Традиционно идентификация анализируется в контексте общей теории социализации личности (Калашникова Е.М., Буркитт Дж., Фэрнен Р., Юнгс Т., Роше Я., Такер С., Дженнингс К., Ниemi Р., Ниммо Д.).

В последнее время ученые обращают особое внимание на регион как на объект социальной и политической идентификации (Гудков Л.Д., Мелешкина Е.Ю., Качанов Ю.Л., Шматко Н.А., Туровский Р., Уэлш Дж.). Для политологов весьма актуальной является проблема этнического самосознания как элемента политической культуры и фактора процессов интеграции и дезинтеграции современных государств (Ачкасов В.А., Сикевич З.В., Шестаков А.А., Лебедева Н.М., Лофгрэн Х., Кудрявцев И.Е., Светлицкая Е.Б., Шима Э., Картер Р., Хелмс Дж., Чагилов В.Р., Шлесинджер Ф.), рассматриваются политические аспекты национальной идентичности в контексте тенденций глобализации (Зотова О.М., Золотарева Е.В., Вила П., Иордан М.В., Элунд Э., Уэлш Дж.). Актуальным остается анализ социокультурной и цивилизационной самоидентификации России (Панарин А.С., Дугин А.Г., Ильин В.В., Солженицын А.И., Савицкий П.Н., Зиновьев А.А.). Традицион-

но исследуется роль классовой идентичности в формировании политических перспектив индивидов (Дивайн Ф., Пристон Р., Коновер П.), характер идентификации отдельных социально-демографических и статусных групп (Гамильтон Р.Ф., Голенкова З.Т., Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Хэрдженс Л., Хэррис К., Нельсон Т.). Все более активно ученые обращаются к гендерным аспектам политической идентификации (Гриффитс М., Шахид Ф., Рапп Л., Тейлор В., Мэйме Э., Эберт Т.Л., Уэлш С., Хилл Д.Б., Дьюрк Дж., Сигелман Л., Дин Дж., Раппопорт Р.Б.).

Безусловно плодотворными являются попытки анализа различных коллективных форм идентификации в конфликтах (традиция, идущая от Л. Козера) и кризисных условиях (Ядов В.А., Данилова Е., Лебедева Н., Гилес М., Гоулд Р., Богатырева Т.Г., Эванс Э., Смит Э., Йогев Э., Сабар Н., Элпер Я., Снайдер Дж.), роли личностной и групповой социальной идентификации в системе государственного управления (ДюПре П.), характера политической идентичности в условиях демократии (Моуфф Ч., Бэрнес С., МакДонауэ П., Лопес П., Бенхэбит С.), в современном обществе «новых технологий» (Фридман Л., Гидденс Э., Жижек С.). Весьма интересными представляются попытки проанализировать роль насилия и вероисповедания, например религиозного фундаментализма (Деккер П., Эстер П., Джелен Т., Уилкоккс К., Гомес Л.), в формировании политической идентичности.

Все чаще поднимаются вопросы о надежности методов получения данных относительно партийной идентификации избирателей в странах с мажоритарной двухпартийной и пропорциональной системами (Алварес Р., МакКуин М.Б., Хейз Э., Пирс Р., Эриксон Р.С., Стимсон Дж., Франклин Ч., Липсет С.М.), о влиянии состояния экономики (Хэйнес С., Джекобс Д.) и средств массовой информации (Тодд Р., Броуди Р.) на устойчивость партийной идентификации. Даже приверженцы традиционного взгляда на роль партийной идентификации в политическом процессе исследуют не только ее влияние на электоральный выбор, но и на политическое участие (например, в общественных движениях, в акциях протеста) в целом (Винер Б.Е., Биллингсли К., Вайнштейн Г.И., Такер К., Риччи Е., Качанов Ю.Л., Хезерингтон К., Опп К.-Д., Фоуколт М., Уайтли П., Финкель С.). Анализируются роль идеологической идентификации на выборах, система предпочтений, установок и оценок избирателей (Абрамович Э., Артемов Г.П., Гавра Д.П., Градинар И.Б., Росенко С., Рукавишников В.О., Скворцов Н.Г., Кнайт К., Бокс-Штеффенсмейер Дж., Саундерс К.Л., Сигелман Л., Коновер П., Фельдман С., Хауэлл С.), способ идентификации и восприятия политических лидеров (Ромеро Д., Тетлок Ф.). Опубликованы результаты исследований изменения политической (прежде всего, партийной) идентификации населения в бывших социалистических странах (Хилл Р., Саква Р., Ноги Дж., Митчел Р., Фиш М., Пэррот Б., Миллер Э., Ресинджер В., Хесли В., Роуз Р., Мишлер У., Хэйрпфер К., Бэйлтс Т., Кубик Х., Вятр Е., Бохрер Р., Генов Н., Брейдер Т., Рэдклиф Б., Эрб Дж., Ресинджер В., Хесли В., Антошевский А.,

Дзюбка К., Хербут Р., Эванс Д., Уайтфилд С., Херш А., Пайн С., Косор М., Маслик Т., Бызов Л., Гельман В.). Необходимо особо подчеркнуть значение работ Е.Б. Шестопал. Защищены диссертации по проблемам политической и партийной идентификации, в которых объектом исследования выступали индивиды, социальные группы и административно-территориальные образования (Ашкеров А.Ю., Борисов В.А., Садыки М.М., Чазова Н.В.).

Вместе с тем в современной науке многие аспекты изучения политической идентификации вызывают споры среди ученых. Это касается обозначения субъектов-носителей политической идентичности, степени рациональности и осознанности их политической идентификации. Спектр позиций исследователей колеблется от признания бессознательного характера этого процесса до твердой убежденности в том, что политическая идентификация всегда является результатом целерациональной деятельности сознания. Не прояснен окончательно вопрос о механизме формирования политической идентичности. Что она такое: вид политической установки сознания или результат подражания референтной группе? Определенные разночтения отличают постановку вопроса о степени влияния социальных параметров группы, к которой принадлежит индивид, на характер его политической идентификации. Только ли с жизненным циклом человека, в основном с отроческими и юношескими годами, связана она, или поиск людьми своей идентичности существует в любом возрасте? Является ли политическая идентификация «фоновым» явлением, проявляющимся и актуализирующимся в зависимости от накала политической борьбы в обществе? Или мы постоянно, каждодневно делаем свой политический выбор, возможно, даже не замечая этого? Необходимо выяснить степень влияния нашей политической идентичности на поведение (и не только электоральное, как это считают некоторые политологи). Что мы признаем объектами политической идентификации? Как можно охарактеризовать политическую идентичность населения России? Достаточно ли убедительны и весомы аргументы тех исследователей, которые в течение последних семи лет говорят исключительно о кризисном состоянии политической идентичности россиян? Даже если согласиться с подобной формулировкой, следует поставить вопрос о том, чем является «кризис политической идентичности» для нашей страны, сущностной патологией или «болезнью роста» посттоталитарного политического сознания? Что происходит с политической идентификацией людей в странах, которые вступили в постиндустриальную фазу развития? Меняется ли ее характер? Какую роль при установлении политической идентичности граждан играют в этих новых условиях социальные движения? Не является ли применительно к информационному обществу постановка вопроса об этом излишней? Наконец, насколько аутентичными для современной политической науки являются сама категория «политическая идентификация», насколько данная тема органично вошла в арсенал современной политологии? Эти и многие другие вопросы требуют обоснованного обсуждения.

Объект исследования — политическая идентификация как элемент политического сознания. **Предмет исследования** — механизм политической идентификации взрослого населения стран стабильной демократии и посткоммунистических государств.

Цели и задачи исследования. Основной целью исследования является обобщение опыта использования теории политической идентификации в политической науке при анализе политического самоопределения населения стабильных и реформируемых государств на рубеже XX – XXI вв. Для достижения этих целей необходимо решить ряд задач:

- проанализировать становление категории «идентификация» в общественных науках;
- выявить основные методологические, концептуальные подходы к анализу политической идентификации;
- обобщить точки зрения по вопросу о сущности, видах, функциях политической идентификации в политической науке;
- выявить комплекс методик оценки политической идентификации применительно к странам с различными институциональными структурами;
- проанализировать комплекс факторов, определяющих развитие и особенности политической идентификации;
- выявить роль политической идентификации в формировании электорального выбора в демократических странах со стабильной двухпартийной системой и в реформируемых государствах;
- выявить субъекты, объекты и характер политической идентификации в постиндустриальных странах в рамках концепции информационного общества и практики создания наднациональных государственных объединений;
- выявить особенности кризисной и негативной политической идентификации в стабильных и трансформирующихся обществах;
- проанализировать динамику изменения политической идентификации в посткоммунистических странах на примере Польши и России;
- определить специфику идентификационных стратегий политических лидеров федерального и регионального уровней, а также особенности восприятия образов политиков в зависимости от гендерного признака;
- в качестве case-study проанализировать динамику политической идентификации населения одного из субъектов Российской Федерации (Санкт-Петербург, 1998-2002 гг.).

Методологические основы исследования. Многогранность и сложность феномена политической идентификации делает невозможным использование какого-то одного методологического направления. Изучение проблемы идентификации требует комплексного подхода, основанного на сочетании системного, исторического и сравнительного методов. В диссертации используется также постструктуралистская и функциональная методологии, которые позволяют оценить роль властных институтов и особенностей политических

процессов в формировании политической идентификации населения. Кроме того, особенности анализа политической идентификации как вида политических установок определили необходимость сочетания институционального и поведенческого подхода, теоретического и эмпирического уровней анализа.

Эмпирическая база диссертационного исследования. При подготовке диссертационного исследования автор использовал данные эмпирических исследований ряда отечественных (Фонда общественного мнения, Института социологии Российской Академии наук, Российского национального института социальных и национальных проблем) и зарубежных исследовательских центров (Мичиганского исследовательского центра, Института Гэллапа, Евробарометра, Британских электоральных исследований и многих других). Кроме того, для обоснования значительного числа выводов были использованы результаты десяти проектов Центра эмпирических политических исследований философского факультета СПбГУ (1998-2002 гг.), при проведении которых автор работал в составе аналитической группы: телефонные опросы соответственно 1710, 1117 и 1150 респондентов «Исследование предвыборных настроений избирателей Санкт-Петербурга» (август, ноябрь, декабрь 1998 г.), личное интервью с 1129 петербуржцами «Омнибус-99» (март 1999 г.), телефонный опрос 1135 жителей Санкт-Петербурга (апрель 1999 г.), exit-poll 1153 избирателей-петербуржцев, участвовавших в выборах в Государственную думу (19 декабря 1999 г.), уличное интервью с 2361 респондентами «Петербург-2000» (ноябрь 2000 г.), телефонный опрос 1200 респондентов «Политический Петербург-2001» (май 2001 г.), телефонный опрос 1800 респондентов «Политические настроения петербуржцев» (ноябрь 2001 г.), телефонный опрос 1200 респондентов «Политический Петербург-2002» (апрель 2002 г.).

Научная новизна диссертации.

- Определены этапы и направления становления концепции политической идентификации, выявлены основные подходы и противоречия в интерпретации категории «политическая идентификация» в современной политической науке. Осуществлен анализ феномена идентификации с различных методологических позиций.
- Выявлены достоинства и ограничения основных методик изучения политической идентификации.
- Изучены основные факторы (в том числе гендерный) политической идентификации населения в стабильных и трансформирующихся обществах.
- Вскрыт механизм формирования политической идентификации в условиях стабильного общества и экономических и политических реформ.
- Разработана концепция становления новых моделей политической идентификации в посткоммунистических странах.
- Осуществлен анализ категорий «кризисная» и «негативная полити-

ческая идентичность», а также форм их проявления в стабильном и меняющемся обществе.

- Установлены степень устойчивости и соответствия идеологического, партийного и персонифицированного уровней политической идентификации, а также особенности влияния политической идентификации на электоральное поведение в посткоммунистическом обществе.

- Впервые на эмпирическом материале проанализирована динамика политической идентификации населения на уровне субъекта федерации в постреформенной России. Выявлены особенности политической идентификации различных социальных групп.

- Изучены идентификационные стратегии российских политических лидеров федерального и регионального уровней.

- Введено в научный оборот значительное количество работ зарубежных политологов, посвященных анализу политической идентификации.

Полученные результаты позволяют сформулировать основные положения, выносимые на защиту.

Формирование теории политической идентификации прошло четыре этапа: 1) 1930 – 1950-е годы — стадия «прототеории», когда принципиальные вопросы, связанные с определением сущности и основных признаков феномена идентификации обсуждались в рамках психологии, социологии и антропологии; 2) 1960-е – вторая половина 1970-х годов — стадия доминирования теории партийной идентификации, в рамках которой данная установка политического сознания анализировалась прежде всего с точки зрения мотивации электорального выбора; 3) конец 1970 – 1980-х годов — период критики теории партийной идентификации и эмпирической проверки ее основных положений в странах западной демократии; 4) первая треть 1990-х годов – настоящее время — период осмысления возможности широкой трактовки теории политической идентификации для использования в качестве конструкта, объясняющего динамику политических взглядов населения в государствах с различным типом изменений.

Трансформация политической идентификации населения России в посткоммунистический период прошла кризисную стадию (1989-1999 годы), хотя некоторые ее признаки проявлялись позднее (до конца 2000 г.), и вступила в стадию стабилизации (с конца 1999 года). Значимыми признаками кризисной стадии являются фрагментация политического сознания, неустойчивость политической идентификации и противоречивость (несоответствие) ее уровней и форм проявления, доминирование негативных моделей идентификации, разрушение абстрактных моделей идентификации и низведение их до конкретных объектов, попытки перенести групповые установки на все общество в целом.

Доминирующими объектами идентификации в посткоммунистическом обществе выступают не только идеологии, партии и политические лидеры, но и желательная модель будущего страны. На стадии кризисного развития

политической идентификации ориентация людей в «поле политики» происходит в континууме «правые – левые», однако затем все большее влияние на восприятие происходящих процессов в государстве и на политические взгляды отдельного человека оказывает оценка экономической безопасности как самого индивида, так и страны в целом. В стадии стабилизации система координат для ориентации в политическом пространстве усложняется. Противостояние «правые – левые» для большинства населения становится менее актуальным, чем «партия власти – оппозиция». Значимым становится противопоставление образов «старых» и «новых» политиков, в том числе способ продвижения в элиту. Формируется принципиально разное отношение к представителям исполнительной власти и лидерам парламентских партий, представляющих законодательную власть (первые воспринимаются как более влиятельные политики и как «люди-функции»).

В кризисной стадии основными факторами, определяющими политическую идентификацию населения, выступают социальные факторы, прежде всего возраст (влияет когортный принцип — время первичной политической социализации). В стадии стабилизации возрастает роль институциональных факторов в формировании политической идентификации. При определенных условиях процесс формирования политической идентичности может приобретать манипулятивный характер с навязыванием консерватизма и традиционализма с элементами национализма. Переходный характер власти способствует гипертрофированному развитию персонифицированного уровня политической идентификации и тем самым препятствует становлению новых моделей политических установок.

Научно-практическая значимость исследования. Материалы и выводы исследования позволяют выявить специфику установок политического сознания населения стабильных и трансформирующихся стран, что способствует пониманию ряда политических процессов XX века. Результаты исследования могут быть использованы в нескольких направлениях: в работе структур исполнительной и законодательной власти, в организации предвыборных кампаний политических партий и политических лидеров. Диссертация может оказать определенную помощь политологам-практикам.

Изложенные и проанализированные в тексте диссертации теоретические концепции и эмпирические данные используются и будут использоваться в дальнейшем в разработке общих и специальных курсов, при написании учебных программ, методических и учебных пособий по теоретической и прикладной политологии, политической социологии и психологии для студентов высших учебных заведений.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования обсуждались на международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях и семинарах. Работа прошла апробацию на I Российском философском конгрессе (Санкт-Петербург, июнь 1997 г.), II Россий-

ском политологическом конгрессе (Москва, апрель, 2000 г.), международных научных конференциях «Легитимность власти в России: история и современность» (Санкт-Петербург, 22-25 июня 1994 г.), «Социальный анализ: становление и перспективы развития» (Санкт-Петербург, 25-27 мая 1995 г.), «Гендерные исследования: перспективы становления дисциплины в процессе институционализации и дифференциации» (Варшава, ноябрь 1999 г.), «Женщина в гражданском обществе: история, философия, политика» (Санкт-Петербург, 6-8 июня 2002 г.), международной научно-практической конференции «Законодательная и представительная власть: история и современность. К 95-летию начала работы Первой Государственной Думы России» (Санкт-Петербург, 19-20 апреля 2001 г.), межрегиональной научно-практической конференции «Выборы-2000: комплексный подход к проблеме маркетинга политического лидера» (Санкт-Петербург, апрель 2000 г.), Первом и Втором общероссийских научно-общественных форумах «Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века» (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2000 г.), «Гражданское общество в России как демократический проект» (Санкт-Петербург, 21-23 февраля 2002 г.), научном симпозиуме «Гражданское общество России: стратегия и тактика формирования» (Санкт-Петербург, 7 декабря 2001 г.), круглом столе виртуальной мастерской по сравнительной политологии «Институциональная эффективность политических транзитов в странах СНГ» (Санкт-Петербург, 25-26 октября 2002 г.).

Основные идеи диссертации обсуждались при чтении спецкурса «Механизм политической идентификации в современном обществе» и общего курса «Методика и техника эмпирических политических исследований» на дневном, вечернем и заочном отделениях политологии философского факультета СПбГУ в 2000-2002 гг. Некоторые материалы исследования использовались при чтении общих курсов «Политическая социология» и «Методы политического анализа и прогнозирования» на факультете социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. По теме диссертации автором подготовлены и опубликованы монография, статьи, доклады, тезисы.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политических институтов и прикладных политических исследований философского факультета СПбГУ 26 сентября 2002 г.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения, списка литературы и приложения. Библиография диссертации насчитывает более 400 монографий и статей отечественных и зарубежных ученых. Общий объем работы — 401 страница текста в компьютерной верстке (включая список литературы и приложение). В работе содержатся 18 таблиц, 18 рисунков и графиков. В приложении даны 10 сводных таблиц по результатам исследования политической идентификации населения Санкт-Петербурга (апрель 2002 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и значение темы исследования для политической науки, определяются основные цели и задачи, категориальные и концептуальные основы, а также эмпирические аспекты диссертационной работы. Обозначаются теоретические расхождения в определении отдельных параметров идентификации в рамках различных общественных наук. Определяется практическая значимость работы, показывается возможность использования категории «политическая идентификация» для анализа политических процессов в стабильных и реформируемых обществах.

Первая глава — «Проблемы идентификации в общественных науках» — отражает основные методологические подходы к проблеме идентификации, показывает наиболее перспективные направления в обсуждении данной темы исследователями в разных отраслях научного знания в XX веке. Проанализировано развитие концепции идентичности в психоанализе и социальной психологии. Не все психологи, подобно З.Фрейду и А. Фрейд, склонны рассматривать идентификацию в качестве механизма формирования личностно-моральной инстанции «суперэго» с целью избежать наказания или защитить свое «Я». К. Юнг отождествлял идентификацию с «обретением самости» в процессе социализации, которая длится всю жизнь индивида. А. Адлер связывал идентификацию с теорией стиля жизни, но не считал, что она выполняет компенсаторную функцию.

Э. Эриксон полагал, что становление идентичности идет в двух жизненных этапах — в юности и ранней зрелости (примерно с 12 до 25 лет). Он подчеркивал рациональный элемент идентификации, основанный на выделении образа «иного» или «врага» и выполнении трех условий: ощущении внутреннего тождества индивида самому себе, признании идентичности индивида в глазах «значимых других», уверенности в согласовании внутренних и внешних проявлений личности. Ориентация на личность политика при голосовании за политическую партию рассматривается ученым как проявление неполной идентичности. Отсутствие четкого представления индивидов о своих политических взглядах и месте в обществе оценивается как «спутанная идентичность». Неспособность принимать решения и совершать адекватные ситуации поступки сопровождают кризис идентичности и являются серьезной социальной проблемой, требующей быстрого разрешения. Э. Эриксон выделял личную и групповую идентичность. Решающими при формировании политической идентичности факторами психолог считал культуру в целом, а также политическую субкультуру, принятую в месте проживания человека или в его социальной группе. Д. Марсиа выделил четыре типа эго-идентичности (диффузию идентичности, предрешенность, мораторий и достижение идентичности). Для Э. Фромма основная проблема идентификации заключалась в необходимости постоянного выбора индивидом свободы или безопасности личности. Идентичность понималась как тождество индивида с самим собой и оценивалась как одна из экзистенци-

альных потребностей человека. Ш. Розенберг выделил три типа выстраивания отношения людей к политическим событиям и объектам (последовательное, линейное и систематическое). Последовательное мышление характерно для людей, которые не рассматривают политику как значимое явление. Обладатели линейного мышления рассматривают политические процессы через призму отношения к ним своей статусной группы. Наконец, люди с систематическим мышлением обладают склонностью к групповой солидарности. Типология идентификации, предложенная Я. Рейковски, отражает отношение индивида к конструкту «Я — общество» в системах координат «Я — Мы» и «Мы — Они», который порождает четыре базовых типа идентичности: личную, групповую, диффузную и дифференциальную. Процессу идентификации противостоит процесс индивидуализации (они неравномерно представлены в обществах с разными типами культуры).

К числу немногих психологов, отрицающих значение механизма подражания исключительно позитивным образцам или идеалам в формировании идентичности, относится С. Жижек. Он считает, что в формировании политической идентичности объектом могут выступать и негативные образы (вина, слабость, неудача). Кроме того, «другой» может не выражать интересы субъекта идентификации. Проблему противоположности подражания и уникальности индивида С. Жижек решает на основе выделения двух видов идентификации: символической (индивид связывает свое «я» с «другим», оценивая собственную уникальность) и воображаемой (индивид подражает «другому» на уровне подобия). Идеологическое пространство, в рамках которого происходит политическая идентификация, оценивается как совокупность не связанных между собой «плавающих означающих», категорий (например, свобода или государство), которые одновременно используются различными политическими субъектами и трактуются ими принципиально различно, что и позволяет индивидам оценивать свои политические взгляды.

Анализ психологических концепций позволяет сделать вывод о природе политической идентификации как рационального явления, предполагающего многообразие объектов самооценки политических взглядов и связанного не только с жизненным циклом, но с характером и интенсивностью политических процессов в обществе. Процесс политической идентификации, являясь, на первый взгляд, антиподом процесса индивидуализации, в действительности дополняет его и служит критерием становления зрелой личности, способной объективно оценивать происходящие политические процессы с учетом интересов своей статусной группы. Кризисную, негативную или диффузную идентичность следует рассматривать как стадии, предшествующие формированию нового типа идентичности. Вместе с тем «застывание» на этих ступенях при изменении установок массового политического сознания является важным показателем нестабильности всего общества и неэффективности выполнения институтами власти функций канализации политических интересов населения и политической коммуникации.

В главе анализируются особенности трактовки категорий «идентификация» и «идентичность» в символическом интеракционизме, постструктурализме, функционализме, марксизме, постмодернизме. Понимание символическими интеракционистами идентичности как отнесения к себе действий, прав, обязанностей, осуществления выбора предполагает возможность как адекватного отражения собственной статусной позиции в результате принятия одновременно множества социальных ролей, так и ответного активного воздействия на социальную среду. Становление идентификации предполагает самоопределение в «предметных» категориях, противопоставление себя и себе подобных с обобщенными «иными» и «врагами», выстраивание «образа мира» с определением своего места в нем и последующей коррекцией этой картины на основе личного практического опыта. Достижение зрелости личности возможно лишь при гармоничном сосуществовании «социального аспекта» идентичности и ее «уникальной составляющей». Современное общество, создавая возможность социального выбора и предоставляя человеку определенную свободу, постоянно провоцирует «угрозу» и ситуацию «отказа от идентичности».

Постструктуралисты особое значение придают проблемам противоречия политических действий индивида в поле политики его установкам, а также несоответствия базисной и ситуативной идентичностей. Предлагаемая постструктуралистами концепция становления базисной политической идентичности через возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики, конкретных действий, в которых реализуется это отношение, осознание ситуационной идентичности и принятие человеком устойчивой повторяющейся модели поведения допускают конфликт между двумя основными видами идентичности. Формирование базисной идентичности в условиях трансформации общества происходит посредством постоянного разрешения кризисных состояний в самооценке индивидом своей политической позиции, однако чаще всего он осознает свою идентичность лишь частично или принимает ее внешние атрибуты.

Современная марксистская методология оперирует не только категорией «классовое сознание», но и «политическая идентификация». На первом (типологическом) уровне формирования классового сознания индивиды фиксируют свою «похожесть» по внешним признакам. На втором (идентификационном) уровне осознается общность условий жизни и деятельности, потребностей и интересов на уровне первичной социальной общности. На третьем уровне развития (уровень солидарности) осознаются единство интересов и ценностей, принадлежность к большой группе. Скорость и характер формирования классового сознания связывается с интенсивностью внутригрупповых и межличностных коммуникаций индивида, типом социальной мобильности группы, к которой индивид объективно принадлежит, а также количеством групп, с которыми он себя причисляет. Признается возможность формирования противоречивых политических установок в ре-

зультате осознания принадлежности индивида к группам, принципиально отличающимся по своим интересам.

В рамках функционализма политическая идентификация рассматривается как ощущение сопричастности основным политическим объектам, позволяющее индивиду дистанцироваться от или символически присоединяться к другим людям, политическим организациям или институтам власти. Политическая идентификация входит в структуру политической культуры наряду с такими ориентациями, как оценки правительственных институтов, норм и политических лидеров, степень доверия людям, с которыми происходит взаимодействие в повседневной политической жизни, нормы реального политического поведения, отношение индивида к своему участию в политике и оценка его эффективности.

Постмодернисты склонны скептически относиться к категории «политическая идентификация», поскольку критерии этого явления в пространстве современной политической культуры постоянно меняются, в современном обществе доминируют неполитические групповые идентификации, а на сознание граждан стандартные «стили жизни» и «социокультурные акторы» начинают оказывать большее влияние, чем идеологии или политические лидеры. Вместе с тем в российском обществе государство, институты власти не только являются объектами, но часто выступают и субъектами политической идентификации, пытаясь целенаправленно воздействовать на политические установки граждан.

По нашему убеждению, для изучения политической идентификации в стабильном и трансформирующемся обществе нельзя ограничиться рамками только одной из описанных методологий, поскольку решение поставленных в диссертации задач предполагает помимо использования комплексного подхода, сочетания теоретического и эмпирического анализа и изучение институциональных предпосылок изменения форм и характера идентификации.

В главе обобщаются результаты эмпирических исследований идентификации, начиная с Мичиганского проекта. В обществе стабильной демократии партийная идентификация, которую обычно оценивают через «направление» и «силу», позволяет избирателям делать выбор на основе неполной информации об игроках в поле политики. Партийная идентификация, являясь производной от социального опыта избирателей, обеспечивает когнитивную и аффективную «карты» политических ориентаций. Исследования Д. Батлера и Д. Стоукса позволили оценивать партийную идентификацию как широко распространенную, устойчивую и усиливающуюся с возрастом характеристику политического сознания. Установка на партию обеспечивает структуру предпочтений граждан, позволяющую оценивать информацию и формировать отношение к политическим событиям. На выбор во время голосования оказывают влияние как социальная групповая идентичность, так и партийная идентичность индивида.

С.М. Липсет и С. Роккан объясняли особенности политических установок через основные «структурные расколы» («центр» — «периферия», «церковь» — «государство», «город» — «деревня», «наемные работники» — «работодатели»). А. Мелуччи была высказана идея о ситуативной идентичности, возникающей непосредственно в ходе политических действий под влиянием лидера. Исследования последнего десятилетия (С. Франклин, Р. Дж. Далтон) доказали снижение уровня партийной идентификации в развитых странах, что объясняется сменой типа политической мобилизации (на смену партийной мобилизации приходит когнитивная мобилизация, при которой хорошо образованное, имеющее доступ к специальной политической информации и хорошо ориентирующееся в сложностях политической борьбы население делает рациональный электоральный выбор). Идентификация осуществляется не только на уровне межличностного общения, но и с нацией, государством, классом, конфессией, политическим течением. Идентичность с макро- и микросоциальными общностями относится к классу социально-политических установок (аттитюдов), обусловленных социальными, этническими и политическими условиями и отношениями между социальными группами и политическими институтами. Политическую идентификацию следует измерять не только на основе самооценки респондентов, но с учетом их действительного политического мышления. Важным показателем политической идентификации может выступать культурная, нормативная, коммуникативная и функциональная сплоченность группы. В кризисном обществе к особенностям политической идентификации можно отнести формирование негативной идентичности, высокую степень агрессивности к «чужим» группам. Но установки по отношению к «чужим» общностям не обязательно носят негативный, конфликтный, враждебный характер.

В политической науке отношение к понятию «политическая идентификация» до их пор остается неоднозначным. Активные споры идут вокруг проблемы степени осознанности индивидом своих политических установок. На наш взгляд, политическая идентификация входит в структуру установок, которые, в отличие от ценностей, фиксируют оценку близости индивидов к конкретным объектам (политическим институтам, лидерам, своей социальной или референтной группе), а не представление индивида о неких абстрактных категориях. Наряду с ценностями, на политическую идентификацию личности влияют социальные нормы, роли и ожидания. Политическая идентификация содержит когнитивный, ценностный и аффективный компоненты. В современных условиях политическая идентификация далеко не всегда является доминирующим фактором электорального выбора.

Во второй главе **«Концептуальные и методические подходы к анализу политической идентичности»** отмечается, что некоторые отечественные исследователи склонны отождествлять категории «политическая» и «партийная идентификация» (Г. Голосов, В. Гельман, М. Назаров). Другие авторы склоняются к идее взаимодополнительности идеологической, пар-

тийной и персонифицированной идентификации (В. Борисов). Среди зарубежных исследователей доминирует взгляд на виды политической идентификации как на нечто альтернативное (доминирует или партийная, или идеологическая, или персонифицированная идентификация). Есть точка зрения, что идентификация включает идеологическую, партийную и религиозную составляющие (Д. Ниммо, Т. Юнгс). Автор диссертации обосновывает необходимость выделения множественности объектов политической идентификации, которым соответствуют определенные виды. В некоторых случаях различные виды социальной идентификации (этническая, региональная, коргортная, религиозная и т.д.) приобретают политизированный характер.

Классификация функций политической идентификации основывается на выделении явных и латентных функций по отношению к обществу в целом. Анализируются функции партийной идентификации в условиях устойчивой двухпартийной системы (формирование общественного мнения на основе воспроизводства устойчивой схемы сортировки, оценки и интерпретации информации политического характера, формирование устойчивой модели электорального поведения, повышение интереса к политике и психологического вовлечения в общественные процессы, консервация процессов образования новых нецентристских партий и отток сторонников от основных парламентских партий).

Политическая идентификация выполняет функции индикатора восприятия членами общества уровня стабильности партийной системы, политической системы в целом, легитимности власти и политического режима. Существенными латентными функциями политической идентификации являются интеграция интересов социальных групп и структурирование общества. Посредством предложения через систему массовой коммуникации контролируемого набора социально одобряемых правящей элитой моделей политической идентификации граждан в обществе выполняется функция социального контроля. Политическая идентификация может выполнять и функцию социальной компенсации для людей, входящих в определенные политические и общественные организации, и одновременно повышать эффективность их совместных действий. Следовательно, может быть реализована потребность в общественном признании и изжито субъективное чувство одиночества и непонимания. Наличие политической идентификации может мотивировать определенные действия в области политики, а также повысить адаптационные возможности отдельного индивида и социальной группы в целом к резким социальным переменам.

Следует выделить когнитивную функцию, поскольку именно анализ характера политической идентификации позволяет прогнозировать электоральное поведение граждан. Дана критика точки зрения, согласно которой идеологическая составляющая идентификации при голосовании оказывает существенное влияние лишь на незначительную часть (10-20%) электората, преимущественно на элиту, а для массового избирателя не является значимой.

В современной политической науке можно выделить три модели мотивации поэтапного принятия решения об участии в голосовании. Согласно Кемпбеллу, Стоуксу и Батлеру, к ним относятся социально-демографические факторы, партийная идентификация, личность кандидата, особенности избирательной кампании, темы и характер межличностной коммуникации с близкими, друзьями и сослуживцами. По мнению Колтона, значимыми факторами являются социально-статусные характеристики избирателей, их оценки экономической и политической ситуации, партийная идентификация, позиции кандидатов и избирателей по конкретным вопросам, дискутируемым в обществе, а также ретроспективные оценки действующих политиков, персональных качеств кандидатов и, наконец, ожидания избирателей по поводу перспективных действий партий и кандидатов. Шэнкс и Миллер выделяют демографические и статусные характеристики избирателя, идеологические предпочтения, партийную идентификацию, оценку деятельности кандидатов, чувства и аффекты, вызываемые кандидатом. В анализируемых моделях влияние партийной идентификации носит промежуточный, опосредованный характер. Однако включенное наблюдение за поведением российских избирателей на избирательных участках перед голосованием позволяет сделать вывод, что для определенных социальных групп партийная принадлежность кандидатов при отсутствии личных встреч с ними во время предвыборной кампании является определяющим фактором в принятии решения о том, за кого будет отдан голос. Так называемый «сдвиг последней минуты» в равной степени может определяться и собственно проявлением политической идентификации, и страхом символической изоляции от «своей» группы в случае голосования «не так, как другие», и стремлением «следовать за победителем» (голосуют за того, кто имеет максимальный шанс на избрание). Усилению определенной политической идентификации способствует ряд факторов: наблюдение за поведением референтной группы, осознание существующих возможностей и выгод, сопровождающих определенный тип поведения, апробация на себе подобной схемы действий. В результате индивид, относящийся к низшим социальным группам, с готовностью проголосует за «партию власти».

Изучение кризисной и негативной политической идентификации позволяет сделать вывод, что кризис идентичности предполагает не только потерю тождества личности или социальное бунтарство и деструктивное настроение. Кризис идентичности проявляется и как стадия формирования личности, и как массовое явление, связанное прежде всего с низкой адаптивной способностью некоторых социальных групп принять резко изменившиеся социальные и политические условия, а также со снижением социального статуса данных групп. Этот процесс может сопровождаться утратой ощущения целостности своей личности, «правильности» своих политических взглядов, веры в свое социальное предназначение. Кризис идентичности может спровоцировать разрушение системы ценностей и маргинализа-

цию (не обязательно люмпенизацию) целых социальных групп. Как показали исследования середины 1990-х годов, кризис идентичности в значительной степени проявился не только у пожилых людей, но у рабочих и людей умственного труда с высшим образованием вне зависимости от того, работали они на производстве или нет (т.е. у групп, составлявших основу социальной структуры советского общества). Возможным выходом в этом случае для многих людей оказывается развитие «синдрома тоталитарного сознания», когда люди среднего и пожилого возраста в поисках ощущения целостности мира и своей личности после непродолжительной эйфории от ощущения свободы возвращаются к единственной альтернативе, которая имела место в их юности, — начинают поддерживать идеи тоталитаризма и авторитаризма. У молодых людей кризис идентичности наиболее часто проявляется в тяге к крайним формам классовой ненависти, расизма или национализма в поддержке радикальных политических идей и тотальной идентификации с отдельными личностями. Он выражается в неприятии ценностей других поколений и различного рода формах социального протеста, вплоть до агрессивных действий и вспышек насилия. Процесс выхода из состояния кризиса идентичности во многом осложняется внешними условиями: взрывом объема информации вследствие развития коммуникативных технологий (например, электронных средств связи, сети Интернет и т.д.), а также высокими темпами политических изменений (это в равной степени относится к отдельным странам и к проявлению процессов глобализации в мире в целом).

Категории «кризис идентичности», «негативная идентификация», «отказ от идентичности» имеют разную смысловую нагрузку. «Отказ от идентичности» может сопровождаться уходом в личную жизнь и карьеру, сознательное отчуждение от структур власти. Среди исследователей нет единства в понимании сущности негативной идентификации. Некоторые авторы определяют ее как отсутствие тождества с определенным политическим движением, другие — как неприятие определенной политической идеологии, партии, движения или политического лидера. Функционалисты считают негативную идентификацию следствием дисфункции социальных и политических институтов. Сторонники социально-психологического подхода связывают ее с неконвенциональным политическим поведением. Авторы конфликтной модели негативной идентификации используют марксистский подход к анализу этого явления.

На наш взгляд, «негативная идентификация» предполагает четкое осознание индивидом объектов, на которые он не желает быть похожим (при отсутствии устойчивых позитивных и абсолютном господстве негативных образцов это явление может быть обозначено как «негативная конверсия»). Она может проявляться как в неоправданном бунтарстве, так и в ощущении себя неким безликим (неизвестным, невидимым, беззвучным, безымянным) существом. В некоторых случаях и позитивная идентификация может выражаться через негативные образы (Б. Ньюком использует для обозначения

такой ситуации категорию «негативная референтная группа»). Негативные референтные группы вызывают протест и сопротивление, тем самым способствуя интеграции и сплочению определенных социальных групп. Негативная политическая идентичность не всегда является признаком деструктивного состояния политического сознания индивида или кризисности общества. Она может выступать показателем смены моделей политической идентификации, особенностей политической культуры (например, уровня политической толерантности граждан), служить косвенным показателем демократичности и стабильности общества. Негативная идентификация присутствует в установках населения стран стабильной демократии, где можно выделить три условные группы: а) имеющие позитивный образ одной партии и негативный — другой; б) колеблющиеся, четко представляющие положительные и отрицательные признаки основных конкурирующих партий; в) апатичные некомпетентные избиратели, не имеющие четких представлений о партиях, не способные вынести о них какое-либо определенное суждение.

В посткоммунистическом обществе негативная политическая идентификация может быть результатом длительного и тщательно скрываемого неприятия системы ценностей, навязываемой пропагандой единой идеологии и единственной «огосударственной» партии. Помимо коммунистических (и даже просто левоцентристских) партий в постсоциалистических странах в середине 1990-х годов устойчивое негативное отношение у части населения вызывали правые радикальные националистические партии, а также партии, выражающие интересы закрытых меньшинств или групп (например, промышленной и финансовой элиты). В посткоммунистических странах можно выделить четыре группы населения по признаку партийной идентификации: а) «негативисты» с четким представлением о том, за какую партию они не будут голосовать точно, но не имеющие позитивного образа партии; б) «закрытые» с выраженным позитивным и негативным образами партий (они практически не поддаются воздействию предвыборных технологий); в) «открытые», имеющие позитивную установку в отношении какой-либо партии, но не имеющие негативного образа; г) «апатичные», не имеющие никакой идентификации. В отличие от классификации типов партийной идентификации граждан в странах стабильной демократии с двухпартийной системой, в этой схеме отсутствует жесткая привязка партийной идентификации к уровню электоральной активности.

В главе обсуждается вопрос о способах оценки негативной политической идентификации и анализируется состояние этого показателя в России в середине - конце 1990-х годов. Процесс адаптации населения к новым экономическим, социальным и политическим условиям завершается. Но наблюдается рост числа людей, которые никогда не ощущали чувства общности с другими на основе сходства политических воззрений. Одним из следствий является увеличение числа людей, голосующих на основе прагматических

соображений. К особенностям политической идентификации россиян относится доминирование персонифицированной формы.

До 1998 г. наблюдалось тяготение взглядов людей к крайним моделям политического спектра. В России доля людей, не способных однозначно оценить свои политические взгляды, в 2,5–3 раза больше, чем в странах стабильной демократии. Несколько снижаются такие показатели, как неустойчивость политических предпочтений и число людей, имеющих выраженную негативную модель идентификации. Исследования в Ленинградской области и Санкт-Петербурге в 1997-1998 годах показали, что наиболее высокий уровень негативной идентификации наблюдался у двух когорт (молодых людей в возрасте до 21 года и пенсионеров), а также среди представителей двух профессиональных групп (управленцев и представителей силовых структур — МВД, прокуратуры и т.д.). На наш взгляд, вербальная демонстрация неприятия некоторых непарламентских политических партий и движений представителями указанных профессиональных групп являлась формой демонстрации лояльности властным структурам.

Негативная идентификация может быть следствием целенаправленной деятельности по формированию образа «врага» и основываться на определенных социокультурных мифах в сочетании с рядом манипулятивных приемов. К ним следует отнести: сокрытие или ограничение информации о других группах с целью деформации образа «другого», изображение представителей противоположных политических ориентаций лишенными человеческого начала (например, неспособными понять и сострадать), не имеющими нормального человеческого лица (использование злых карикатур) и собственного имени (при обозначении используются обезличенные местоимения, абстрактные словесные конструкции по этническому признаку или на основе фамилии лидера). Традиционным является прием клеймения как «внутреннего врага» (например, в начале 1990-х годов в нашей стране коммунистов стремились изображать «антипатриотами») или объявление людей с иными политическими убеждениями психически ненормальными. Негативная идентификация в кризисном обществе в большей степени характерна для низкостатусных групп и выполняет мировоззренческую, компенсаторную и консолидирующую функции.

В главе обобщен опыт использования различных методов и техник при оценке политической идентификации. Анализируются эвристические возможности как различных методов (опрос, биографический метод, наблюдение), так и конкретных методик и техник (методика неоконченных предложений, самооценка по шкале «правые - левые» — для жителей европейских стран, методика оценки совпадения интересов, самооценка близости политических взглядов политическим установкам партии и политического лидера) в оценке состояния политической идентификации, ее типа, интенсивности, устойчивости, непротиворечивости отдельных видов. Автор анализирует возможность использования различных методик оценки политической

идентификации граждан в зависимости от близости к выборам, типа партийной системы. Обосновывается ограничение использования «лобовых» вопросов при изучении политических установок, поскольку в этом случае возникает опасность проявления эмерджентного эффекта и несовпадения вербального и невербального поведения. Кроме того, адекватная самооценка политических взглядов возможна лишь при наличии достаточно устоявшегося мнения, рационального осознания респондентами своих политических интересов, стабильной расстановки в обществе политических сил. Для обществ в состоянии трансформации актуальным остается вопрос о выяснении наиболее значимых объектов политической идентификации.

В рамках теории политической культуры предлагается самооценка интенсивности политических предпочтений, описание себя и своих политических противников, приемлемость брака с носителями иных политических взглядов. Проанализирован опыт исследований в различных странах. Например, в Италии в дополнение к шкале «правые - левые» для анализа политической идентификации используют такие индикаторы, как отношение к капитализму, объему власти профсоюзов, распределению доходов в обществе, отношение к разводам, готовность к участию в забастовках в общественном секторе. В качестве дополнительного индикатора используют оценку партийной толерантности со шкалой – «термометром». В странах стабильной демократии с двухпартийной системой наряду с вопросами о том, кем респондент себя ощущает, демократом или республиканцем в США (лейбористом или консерватором в Великобритании), и насколько сильно выражено это ощущение, задается вопрос о самооценке по шкале «либерализм - консерватизм» с возможностью выбора срединной позиции «центрист» (трехбалльная шкала). В данном случае затруднена интерпретация позиции людей, которые выбрали «центристскую» позицию. Это может быть проявлением разочарования в идеологии, усталости, апатии, отчуждения от проблем политики, полной аполитичности и «смешанной» идентичности.

Автор указывает, что категории «партийные предпочтения» и «партийная идентификация» связано, однако второе понятие предполагает постоянную позитивную идентификацию с партией в качестве основного, а не ситуативного объекта установки. Рейтинг поддержки партий нельзя использовать прямо для оценки партийной идентификации. Методические проблемы возникают при оценке состояния партийной идентификации в посткоммунистических странах. Многие исследователи считают, что для формирования устойчивой партийной идентификации необходим значительный отрезок времени. Но можно измерить ряд индикаторов в стадии ее формирования (Т. Брейдер, Дж. Такер): постоянство избирателей в выборе партии в течение нескольких электоральных циклов, степень соответствия представлений индивида лозунгам определенной партии, сознание приемлемости организации.

А.Миллер для оценки партийной идентификации в посткоммунистических странах предложил следующую схему: ответ на вопрос о существовании

партии, которая выражает интересы индивида лучше, чем другие партии, обозначение этой партии и ответ на вопрос о степени близости взглядов индивида ее программе. Для самооценки близости с партией или политическим лидером можно использовать классическую шкалу - «термометр». Некоторые формулировки вопросов крайне неудачны, например, вопрос о существовании «моей партии» (У. Зиммерман, Т. Колтон) или прямой вопрос об идентификации с какой-либо партией (С. Уайт). При проведении опросов ЦЭПИ философского факультета СПбГУ используется следующий комплекс индикаторов: ощущение близости к той или иной партии, возможность голосования за определенную партию (при условии, что опрос проводится не позднее, чем за полгода до ближайших выборов), самооценка близости к взглядам определенных политиков и самооценка себя как носителя определенных политических взглядов.

Факт голосования за определенного политика или партию, как и симпатия к ним, не являются свидетельством идентификации, поскольку в данном случае мы можем зафиксировать как сиюминутные политические предпочтения, так и результат тщательной оценки избирателем вероятности продвижения организации или политика во властные структуры. Мотивация голосования на выборах может дать нам лишь косвенную информацию о характере и степени проявления политической идентификации. При проведении исследований необходимо анализировать степень совпадения политических установок и точность самооценки взглядов, а также уровень соответствия политической самоидентификации и электорального выбора. Важнейшими параметрами оценки политической идентификации являются их устойчивость и непротиворечивость. Первый параметр можно вычислить в ходе лонгитюдного панельного исследования, оценивая степень изменчивости установок респондентов относительно различных политических объектов. Второй параметр можно оценить, определив уровень соответствия идеологического, партийного и персонифицированного уровней политической идентификации. Непротиворечивость оценок политических лидеров, институтов власти и отношения респондентов к актуальным политическим событиям необходимо соотносить с самооценкой политических установок.

Третья глава **«Факторы политической идентификации»** посвящена исследованию влияния комплекса социальных характеристик граждан на их политические установки. Социальные характеристики имеют огромное влияние на политические предпочтения, но оно опосредовано местом индивида в социальной структуре и, в частности, возможностью доступа к политической информации. Индивид может принадлежать одновременно к социальным группам с конфликтующими интересами и ценностями, в этом случае обретение политической идентичности происходит через сплочение групп и конфликт. «Внешние группы» не всегда становятся объектом враждебных чувств, они могут выступать и позитивным референтом. Особое значение референтные группы в процессе политической идентификации

приобретают в обществах, где восходящая социальная мобильность институционализирована, и преобладает не предписанный, а достижительный статус. Существенным фактором политической идентификации является социальная мобильность. При повышении социального статуса по сравнению с родительским у индивида обычно несколько снижается уровень интереса к политике; при снижении статуса наблюдаются бóльшие заинтересованность в политике и либерализм в области гражданских свобод и проблемах международной политики, но и больший консерватизм в экономических вопросах.

Учет гендерного фактора в формировании политической идентификации предполагает рассмотрение нескольких аспектов: а) роль женщины в политической социализации детей и способность влиять на политические убеждения других членов семьи; б) способы самореализации женщин в политике; в) гендерная солидарность в процессе голосования; г) взгляды феминисток на проблему политического равенства женщин. Фактические роли отца и матери в семье существенным образом влияют на формирование политической идентичности детей (К. Дженнингс, Р. Ниemi). Установки родителей определяют уровень интереса к политике. В семьях с доминированием матери (и при отсутствии отца) дети меньше склонны интересоваться политикой, чем в семьях с доминирующей ролью отца. Если политические взгляды родителей совпадают, то наиболее эффективным коммуникатором выступает мать. Если политические взгляды родителей отличаются, то большее влияние на детей в плане формирования политических установок оказывает отец, хотя это не происходит автоматически. Американские исследователи (Д. Ниммо, Т. Юнгс) считают, что в низкостатусных семьях рабочих на молодых людей, имеющих только среднее образование, наибольшее влияние оказывает отец.

Семейные отношения формируют личностную идентификацию (идентификацию с конкретной личностью, особенностями ее поведения, ценностями и взглядами) у девочек и ролевую, или позиционную (идентификация с социальными ролями другого, при этом не обязательно происходит «присвоение» ценностей и взглядов конкретного человека), у мальчиков (Н. Чодороу). В том или ином виде особенности идентификации сохраняются у женщин и мужчин на протяжении всей их жизни. До сих пор в современном обществе на женщину, даже если она, работая, вносит существенный вклад в содержание семьи, часто смотрят как на получающую свой статус от мужа, как на представительницу семьи, в то время как мужа воспринимают безусловно независимой личностью.

Существенное влияние на политическую идентификацию граждан оказывает место жительства индивида (тип поселения и регион). Например, в США чаще всего оценивают себя твердыми приверженцами республиканской партии южане и жители «глубинки». Самым спорным из списка признаков социальной стратификации, оказывающих влияние на политическую идентификацию, является этнический или расовый фактор. Ряд исследователей отрицает воздействие этого фактора. Следует признать, что этниче-

ский фактор начинает проявлять свое влияние, когда резко изменяется пропорция этнических групп на определенной территории, а это воспринимается как угроза представителями титульной нации.

Характер политической идентификации принадлежащих к различным конфессиям людей опосредован культурно-историческими факторами и традициями. Серьезный вклад в изучение влияния религиозной практики на политические установки внесли французские политологи. Например, они установили, что протестанты во Франции оценивают свои взгляды по преимуществу как левые, что и подтверждают своей избирательной практикой. При этом «левизна» протестантов, проживающих в городе, не является радикальной, но протестанты, проживающие в сельской местности, считают свои взгляды скорее коммунистическими.

Популярное в 1960-х годах объяснение зависимости политической идентификации людей от их социальных контактов (Р. Раппопорт, К. Лэнгтон) следует отвергнуть, поскольку эта установка не является прямым порождением социальной среды: даже серьезно относясь к своим гражданским обязанностям, «типичный обыватель» избегает излишней поглощенности политикой. Наиболее важным фактором политической идентификации в 1970-х годах исследователи (Э. Гидденс) считали социальную группу или класс. Однако в наше время корреляция между классовой принадлежностью и политическими установками уменьшилась. Это связано со снижением значения классовых различий и ростом влияния не связанных с социальным статусом людей сторон их жизни (например, стиль жизни все чаще приобретает внеклассовый характер). Кроме того, многие избиратели стремятся голосовать на основе своих сиюминутных интересов. Социальные факторы по-разному влияют на характер политической идентификации и электоральное поведение граждан. Например, в США статус и образование профессиональных групп напрямую связаны с уровнем их электоральной активности: чем выше статус и образование, тем выше активность на выборах. В России люди с высоким статусом и студенты предпочитают не участвовать в выборах.

В целом идеологическая дифференциация общества стабильной демократии не совпадает с делением на социальные группы. В современном меняющемся обществе, представляющем собой сложный конгломерат имущественных, профессиональных, национально-этнических и иных общностей с отличными стилями жизни, социальная дифференциация влияет на партийный и идеологический выбор. В посткоммунистической России вплоть до конца 1990-х годов критерий социально-профессионального статуса субъективно заменялся многими людьми на осознание себя как утративших статус, что заставляло при ориентации в социальном и политическом пространстве в большей степени опираться на личностные контакты, а не на социальные институты. В этих условиях профессиональная и классовая идентификации приобрели политический характер. Особенно наглядно это проявилось у специалистов-гуманитариев с высшим образованием, работавших на госу-

дарственных предприятиях, военных, работников военно-промышленного комплекса. Сформировавшаяся группа «средних русских» при относительной малочисленности уже не является однородной. В ней можно выделить «деловых людей», «зависимых», «начинающих», «сибаритов», «свободных художников», «яппи». При всем различии доходов и стилей жизни общим для них является набор политических ценностей (свобода, независимость, возможность выбора, самоопределение). «Средние русские» допускают возможность своего участия в голосовании, но считают это скорее долгом, чем возможностью представлять интересы своей группы во властных структурах.

Проведенные исследования в Санкт-Петербурге подтвердили гипотезу, что сроки политической социализации не только влияют на политическую идентификацию, но являются доминирующим фактором среди всех социально-демографических параметров. Люди в возрасте до 30 лет склонны считать, что они не имеют политических убеждений, или тяготеют к двум полюсам политической шкалы — либерализму и национал-патриотизму. Большинству из них чужды взгляды Г. Зюганова. Люди среднего возраста склонны оценивать свои взгляды скорее как консервативные и избегают оценивать их как коммунистические. Представители старших возрастных групп склонны считать свои взгляды коммунистическими и близкими КПРФ. Взгляды лидера ЛДПР не являются близкими более чем для половины петербуржцев в возрасте до 30 лет. Однако нельзя утверждать, что это — устойчивое сформированное отношение, поскольку оно зависит не от близости установок петербуржцев взглядам В. Жириновского, а определяется способностью этого политика быть в центре внимания, «делать новости». Взгляды И. Хакамады близки молодежи и столь же явно не принимаются пожилыми людьми. Меняется отношение к лидеру «Яблока» Г. Явлинскому: 1999–2001 годы можно охарактеризовать как период резкого дистанцирования от его взглядов представителей практически всех возрастных групп, что связано с целым комплексом политических причин. Оценка петербуржцами степени близости своих политических взглядов установкам политиков во многом определяется статусом последних (партийные деятели воспринимаются как исключительно публичные политики, а представители исполнительной ветви власти — скорее как чиновники).

В меняющемся обществе женщины чаще мужчин затрудняются с самооценкой политических убеждений и не склонны считать их националистическими. Мужчины дистанцируются от политических взглядов И. Хакамады, но это отнюдь не означает, что женщины — бóльшие либералы, чем мужчины. Женщины в большей степени склонны считать, что им близки взгляды нынешнего Президента Российской Федерации. Но в данном случае речь идет о демонстрации лояльности статусу президента. Выбор варианта «взгляды полностью не совпадают» демонстрируют не активное неприятие нынешней политики, проводимой главой исполнительной власти, а максимальное отчуждение от власти в целом.

Обнаружены различия в идеологической идентификации у людей с разным уровнем образования. Коммунистические взгляды в большей степени склонны поддерживать люди с неполным средним и средним образованием. Обладатели среднего специального образования, в отличие от студентов, склонны дистанцироваться от либеральных взглядов. Обладатели высшего образования при самоопределении политических взглядов избегают крайних оценок и предпочитают обозначать их как социал-демократические, либеральные или консервативные. Для идеологической идентификации важной является самооценка социального статуса. Люди, относящие себя к промежуточному слою, между средним и высшим, оценивают себя как либералов. Считающие себя принадлежащими к среднему классу оценивают свои взгляды как либеральные или национал-патриотические. Люди, относящие себя к промежуточному слою между низшим и средним, затрудняются в оценке своих взглядов. Большинство из относящих себя к низшей группе в статусной иерархии оценивают свои взгляды как коммунистические, при этом данная группа отнюдь не представляет собой маргиналов или люмпенов. В эту группу вошли представители старшего возраста с высшим и средним специальным образованием. Возможность ощущать себя востребованными в обществе остается для россиян очень острой проблемой.

Важное место в главе отводится анализу роли норм и традиций различных групп и обществ. Выделяются особенности идентификации населения в разных странах в зависимости от культурных традиций. Подчеркивается роль политического режима (Россия), института церкви (Польша), этнических традиций (Индия), миграционных процессов (Израиль). Многие люди не в состоянии сформулировать свои убеждения в виде развернутой системы высказываний, однако имеют устойчивое отношение к образам и символам партий и идеологий. Партии используют символику для облегчения восприятия образа организации при привлечении новых сторонников. Роль символов могут исполнять не только логотипы с изображением предметов, но и одежда, а также устойчивые словосочетания-образы для идеологий. Многие понятия-символы многозначны и по-разному воспринимаются людьми с несовпадающим социальным и политическим опытом. Политические символы успешно применяются для корректировки политической идентификации и отношения к политическим объектам, снижения их образа, манипуляции общественным мнением. Активное использование политической символики, в том числе и символических действий, оказывает существенное влияние на электоральное поведение. «Маркером» политической идентификации может выступать отношение к символам государства (гимну, флагу, гербу). В качестве мощного символа «присоединения» или угрозы социальной и политической изоляции может выступать смех (смеховое поведение).

Проанализированы материалы исследований роли политической социализации в формировании партийной идентичности, проведенных в США в 1960–1990-е годы (П. Аллербек, Д. Ниммо, Т. Юнгс, Г. Хайман, Ф. Грин-

стайн, Д. Истон, Ф. Конверс, К. Дженнингс, Р. Тедин, У. Розенмейер, П. Абрамсон, П. Хейз). В главе показана роль персонифицированных политических образов в становлении политической идентичности на стадии вторичной социализации и ресоциализации. Например, в результате скандала, в котором оказывается замешан политический лидер, негативное отношение переносится на институт власти, который он представляет.

В странах стабильной демократии с двухпартийной системой партийная идентификация выступает одной из форм групповой лояльности. Большинство американских детей (до 70%) уже к началу обучения в начальной школе думают о себе, как о людях, отдающих предпочтение республиканцам или демократам. Информированность о политических лидерах значительно возрастает у школьников с четвертого по восьмой класс и одновременно растет доля считающих себя «независимыми» (в основном они происходят из высокостатусных семей). Религиозная идентификация формируется рано, но если она несовместима с партийной, то менее значимой оказывается вторая. В двухпартийных демократических странах молодежь обладает более либеральными взглядами, чем их родители, но лишь немногие демонстрируют хорошо артикулируемую идеологическую идентификацию, и она не очень тесно связана с партийной. Роль семьи как агента политической социализации в современном обществе постепенно снижается, но родители продолжают передавать свои политические взгляды подрастающему поколению, существенно ограничивая и фильтруя влияние других агентов социализации на своих детей. Словесные наставления не являются эффективной формой передачи информации. При наличии общих социальных и культурных установок родителей и детей, даже если в семье разговоры на политические темы не ведутся, можно ожидать совпадения и партийной идентификации. Итак, на эффективность заимствования детьми политических взглядов родителей существенно влияют степень политизированности семей, сходство политических идентификаций родителей, соответствие их электорального поведения декларируемым политическим взглядам.

На характер политического поведения молодых людей влияют отношения в семье и стиль воспитания. Как показали исследования американских семей, родители «пассивных» молодых людей, отрицающих возможность своего участия в политических и общественных организациях, акциях протеста, чаще озабочены здоровьем и благополучием своих детей, настойчиво требуют послушания, конформизма и отношения к себе как к образцу. Родители «конвенционалистов», типичных бесконфликтных студентов с относительно низкой политической активностью, апеллируют к традиционным общественным ценностям (ответственности, послушанию, достижению, конформизму), требуют общественно одобряемого поведения и успехов, сопровождая требования угрозой физического и психологического наказания. Родители «конструктивистов», участвующих в социальных проектах, но редко — в организованных акциях протеста, поддерживают с детьми

достаточно теплые отношения, практикуют нефизические наказания, требуют наряду с дисциплиной, достижениями, способности подчиняться также и контролируемого самовыражения. Родители «активистов», в равной степени участвующих и в конвенциональных, и в неконвенциональных акциях, не только поощряют стремление детей быть независимыми и ответственными, но в меньшей степени настаивают на строгой дисциплине и допускают кратковременные проявления агрессии. Родители «участников движения протеста», пришедших в политику непосредственно через организованные неконвенциональные акции, весьма непоследовательны в своей воспитательной практике, они могут быть немотивированно жестокими или снисходительными. В семьях, где родители неоправданно заменяют разрешение и запрещение, вырастают в основном «протестующие», которые одновременно восстают против политических установок родителей. На наш взгляд, факт участия в акциях протеста нельзя считать результатом только непродуманного воспитания, поскольку помимо «участников протеста» в них участвуют и «активисты», и «конвенционалисты». Наконец, протестное поведение нельзя рассматривать только в качестве индикатора негативной политической идентификации. Политические взгляды родителей становятся объектом протеста подрастающего поколения только в том случае, если политика и информированность о политических событиях рассматриваются старшими членами семьи как значимые явления.

Косвенным образом на отказ детей от политических взглядов родителей может повлиять обучение в высшей школе (П. Абрамсон), поскольку преподаватели университетов постоянно подчеркивают ценность способности к независимым суждениям и оценкам. Повышается вероятность разрыва с политическими взглядами родителей, если близкие друзья молодых людей поддерживают другую партию. «Межпоколенческий разрыв» (степень усвоения ребенком политических взглядов родителей) связан со степенью отличия условий, в которых растет ребенок, от тех, в которых выросли его родители. При трансформации общества важным фактором является время первичной социализации людей. На совпадение политической идентификации родителей и детей влияет степень сложности и поляризации партийной системы: чем более сложна, поляризована и неустойчива партийная система, тем меньше вероятность передачи политических взглядов родителей своим детям. Данные факторы в равной степени проявляются и в стабильном, и в меняющемся обществе. Анализ эмпирических проектов показал, что для современных политологов основной проблемой является выяснение степени воспроизводимости партийной идентификации родителей в политических взглядах нового поколения и открытым остается вопрос о самом механизме успешной ретрансляции. На наш взгляд, следует говорить о высокой степени спонтанности в процессе передачи политических воззрений, поскольку в семье он не является результатом целенаправленной деятельности или сознательного политического внушения. В главе выявлены особен-

ности влияния на политические установки исторического фона, «духа времени», различных политических событий, СМИ, властных структур.

Четвертая глава называется **«Политическая идентификация в меняющемся мире»**. На основе анализа эмпирических данных второй половины XX в. автор показывает, как в странах стабильной демократии с двухпартийной мажоритарной системой происходят существенные сдвиги в политических установках граждан. Рассматривается специфика политической идентификации в постсоциалистических государствах на примере Польши. Темпы демократизации политической жизни этого государства являются одними из самых высоких в Центральной и Восточной Европе. Деконструкция социалистической системы в Польше началась с соглашения между оппозицией и коммунистическими институтами (Круглый стол 1989 г.), но сопровождалась жесткой конфронтацией между политическими партиями и идеологиями. Особую роль в формировании новых моделей политических взглядов поляков сыграли религия и духовенство, которое откровенно поддерживало антисистемную оппозицию, посредничало между «Солидарностью» и командой В. Ярузельского. Особенностью ситуации в этой стране был и саморазрыв политической элиты с коммунистическим режимом. В результате смена правящих элит по итогам выборов в июне 1989 г. (в них не участвовали КНП и «Борющаяся Солидарность») прошла без нарушения конституционных норм и процедур, в этот момент фактически сформировалась однопартийная система с доминированием «Солидарности». Процесс партийной фрагментации приобрел колоссальные размеры к 1991 г., когда в Сейме были представлены 29 партий и политических группировок. Выборы 1993 и 1997 годов обеспечили прохождение в парламент шести политических объединений, в 2001 г. в Сейм были избраны представители от семи организаций. При постепенной концентрации партийной системы уровень ее поддержки гражданами остается невысоким.

До середины 1990-х годов на восприятие политической ситуации гражданами почти не влияли такие их социальные характеристики, как возраст, уровень образования, место жительства и профессия. Отношение к демократизации во многом было связано не с собственно политическими предпочтениями и идентификацией, а с оценками людьми как личной экономической безопасности, так и состояния экономики в новых рыночных условиях в целом, безотносительно к удовлетворенности своим материальным положением. В политическом сознании поляков в начале 1990-х годов проявилась негативная толерантность, связанная со страхом и нежеланием реставрации коммунистического режима (в этот период в основе партийной идентификации лежало ощущение себя прежде всего сторонником или противником коммунистической идеологии). Со временем в глазах граждан все большее значение стало приобретать состояние экономики (отсутствие социальных гарантий, высокий уровень безработицы — 17–19%). Вхождение Польши в Единую Европу рассматривается многими представителями по-

литической элиты как панацея от экономических бед, в то время как рядовые граждане не столь однозначно относятся к этому шагу. В отношении Польши мы можем говорить о феномене «поворота к прошлому» (речь идет, конечно, не о возможности реставрации коммунистического правления, а о выборе президентом г. Квасьневского и получении в Сейме в 2001 г. значительного числа мест левоцентристскими партиями). Уровень приверженности идеалу демократии в Польше остается относительно низким (49%). Для поляков значимой является идея отождествления нации и государства, которая, с одной стороны, продолжает обеспечивать высокий уровень мобилизации граждан против реальных и мнимых «захватчиков» и «врагов», с другой стороны — создает закрытые формы сообществ на этнической основе. Идея сохранения национальной идентичности активно и открыто поддерживается католической церковью с ее традиционалистскими ценностями.

В начале 1990-х годов в выборах в Сейм участвовали около шестидесяти партий и организаций. В этих условиях нельзя говорить о стабильной партийной идентификации или хотя бы о преданности партии. В 1993 г. уровень партийной идентификации поляков оставался крайне низким, сохранялась диффузная поддержка электоратом партий в каждом сегменте польского общества (не было ни одной социальной группы, за исключением крестьян, которые поддерживали бы преимущественно одну партию). Антикоммунистическая риторика заменялась патриотической, избирателям внушали, что быть антикоммунистом — это значит быть патриотом. В 1997 г. на выборах в Сейм участвовали 21 партия и партийные блоки, одновременно на выборах в Сенат правые партии получили более 2/3 мандатов. В 2001 г. «правые» потеряли значительное количество мест в парламенте, однако это произошло по причине крайне негативных оценок роста коррупции в структурах власти, а отнюдь не как следствие сдвига влево политических предпочтений, ориентаций или идентификаций избирателей. Постепенно снижается число политических партий, претендующих на места в Сейме. Большинство из них похожи на клубы профессиональных политиков или союзы интеллектуалов и в меньшей степени ориентированы на идеологические ценности.

Значимыми социальными разломами для польских партий и избирателей являются конфликты по линии «государство — костел» (проблема аборт, степень воздействия религиозных институтов на публичную политику, их место в новом конституционном порядке), «город — деревня» (значительная часть земледельческих хозяйств оставалась в частных руках), сторонники «старого» — «нового порядка». Умеренные некоммунистические партии постепенно укрепляют свои позиции, но их опорой не является какая-то определенная социальная группа, как это можно было бы ожидать. Многие правые партии не попали в Сейм и создали так называемую внепарламентскую оппозицию. При сохранении деления партий на «правые» и «левые» значимыми становятся и другие критерии: предпочтительные модели экономики (либеральная или этатистская) и ориентация на ценности (евро-

пейские или национальные). Итак, на первом этапе системных изменений между партиями доминировали конфликты идеологического характера, сопровождавшиеся высоким уровнем поляризации общественного мнения, по мере трансформации политической системы и стабилизации ее нового типа при выборе политической партии важным фактором становится оценка состояния экономики в стране и личная экономическая безопасность.

Среди политических идей, активно поддерживаемых поляками, доминируют либерально-этатистские идеи социальной модели рыночной экономики, патерналистской модели государства, а также протекционизма и сохранения монополии государства в отдельных секторах экономики, либеральной политики в отношении мировоззрения граждан. Особое место занимают политические последствия состоявшейся интеграции в НАТО и перспективной — в ЕС. В настоящий момент для политического сознания поляков значимой является дилемма выбора между ориентацией на европейские ценности, вступлением в ЕС и сохранением национальной самобытности, ориентацией на субрегиональное сотрудничество. Политические партии будут продолжать использовать для своих инструментальных целей два раскола: 1) поддержку демократического правления против поддержки вмешательства государства; 2) секуляризм против поддержки свободного рынка.

Особенности политической идентификации проявляются в политическом дискурсе. В конце 1980-х годов деление «мы — они» предполагало противостояние властным структурам и коммунистическому режиму нации, общества, неполитической частной жизни. На очень короткий срок (1989–1990 годы), когда «Солидарность» воспринималась как единое антикоммунистическое движение, дилемма «мы — они» трансформировалась в «мы — наше». Однако с начала 1990-х годов противопоставление «мы — чужие» активно и сознательно используется политическими объединениями, при этом категория «чужой» для поляков включает три аспекта: национальный (немцы, евреи, русские), идеологический (политический оппонент, коммунисты) и религиозный (атеист, либерал). Анализ политического дискурса, используемого при описании политических противников, позволяет сделать вывод, что в Польше длительное время будет сохраняться политическая поляризация, когда сторонник «другой» партии будет восприниматься почти исключительно как «враг». Сходные механизмы формирования политической идентификации граждан в посткоммунистическом пространстве не приводят автоматически к созданию аналогичных типов политических установок. Разрушение единого геополитического посткоммунистического пространства привело к тому, что ключевую роль в модификации политических установок стали играть национальные культурные и цивилизационные региональные процессы, что проявилось в частности в существенном отличии объектов политической идентификации в странах Восточной и Центральной Европы.

В главе анализируются особенности формирования политической идентификации в условиях глобализации и создания информационного общест-

ва. В современных условиях одним из критериев политической идентификации выступает отношение к идее глобализации. Какой бы из возможных сценариев ни получил развития (создание «всемирной деревни» с общепланетарным консенсусом по вопросу о ценностях; унификация национальных государств под эгидой мирового правительства, мозаика всемирно открытых суверенных национальных государств с интенсивным экономическим, политическим и культурным обменом; мозаика закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей культурной и институциональной упорядоченности или иерархических с отдельным ведущим сообществом), обязательно встанет вопрос о национально-государственной идентичности и стран, и населения. Для европейцев в настоящий момент важным маркером самоопределения в сфере политики является отношение к объединенной Европе. Большинство европейцев не мыслят себя исключительно жителями Европы, для них это не более важно, чем быть гражданином своей страны. Реальные формы добровольного и взаимовыгодного объединения Европы проявляются лишь в последние два десятилетия XX века, и это слишком короткий период времени для того, чтобы население Европы стало воспринимать себя исключительно в новом качестве. Национальная (государственная) идентичность явно доминирует в Швеции и Великобритании, общеевропейская — в Люксембурге. В Дании и Германии несколько снижается число людей, идентифицирующих себя исключительно с жителями своего государства (в параграфе анализируются данные «Евробарометра» за 2000 г.). Хотя стиль жизни в современных государствах становится все более унифицированным, проявляется и противоположная тенденция — к сохранению собственной культуры и языка, к противодействию «инородному» влиянию. В современном мире мобилизация этничности остается самым простым и надежным способом продвижения политиков во власть, когда им больше нечего предложить своим избирателям.

При анализе становления информационного общества некоторые исследователи склонны понимать идентификацию как «самобытность», уникальность. Считается, что поиск новых форм идентичности в постиндустриальном обществе является следствием кризиса двух институтов индустриального общества — нуклеарной семьи и национального государства. Меняется отношение к государству: люди голосуют не для того, чтобы продемонстрировать свои ожидания властным структурам, но чтобы защититься от них. В новых условиях информационная политика осуществляется с помощью манипулирования символами в СМИ, персонализированное лидерство и стратегические игры приходят на смену классовым объединениям, идеологической мобилизации и партийному контролю. В современном обществе резко сокращается устойчивость традиционных идентификационных групп (классов, семьи, объединений общественности по месту жительства, церковных приходов). По мнению ряда исследователей (Р. Инглхарт, А. Турен), средний класс, «столп» современной демократии, в информационном обще-

стве обречен на нестабильность, поскольку он выделяется на основе психологического самоопределения. Резко снизится роль рабочего класса (как следствие, ослабятся позиции рабочего движения) и неизбежно сформируется слой технократов (в будущем обществе основным ресурсом для достижения высоких статусных позиций будет знание). Партии почти полностью исчерпают свой ресурс как носители социальных перемен, партийные платформы во многом утратят актуальность. В информационном обществе изменится роль идеологий в качестве «меток» для политической идентификации граждан, они исчерпают «легитимную самобытность» (identity). В современном обществе обнаруживается кризис между сетевыми структурами, олицетворяющими общество, и «Я» индивида, что проявляется в частности в подъеме фундаментализма, расизма и ксенофобии. Постиндустриальное равенство, утверждая принципы свободы, не утверждает принципа равенства. Как следствие, социальные и политические конфликты будут сохраняться. Выделяются три типа идентичности («легитимизирующая», «сопротивления», «проективная»), которые соответствуют индустриальному обществу, переходному периоду и информационному обществу. Делается вывод о вероятном доминировании социальных движений в качестве основных субъектов политической идентификации в будущем обществе.

В пятой главе **«Политическая идентификация в России на рубеже веков»** анализируются взгляды отечественных и зарубежных ученых на кризис и дифференциацию политической идентификации россиян в 1990-е годы, ведется полемика с этими авторами. Ставится вопрос о необходимости анализа моделей идентификации с точки зрения предвыборных технологий. Автор обращает внимание на появление в посткоммунистический период условий (возможности и необходимости как для вхождения в элиту, так и для успешного подтверждения своей статусной позиции) для идентификации лидеров с избирателями на основе готовности политиков учитывать их волю в процессе принятия политических решений.

Можно выделить три типа элиты: «договорную элиту» (степень убежденности ее рядовых приверженцев выше, нежели среди самих представителей элиты), «конкурирующую элиту» (степень приверженности идее очень высока именно на уровне самой элиты, но граждане от нее отчуждены), «объединенную элиту» (идейная идентификация в большей степени проявляется на уровне партийных активистов среднего звена и в меньшей степени среди представителей элиты как таковой). Успех политика не в последнюю очередь зависит от того, насколько его имидж соответствует ожиданиям избирателей, насколько совпадают целевые группы с теми, с которыми объективно идентифицирует себя политический лидер. Следует поставить под сомнение утверждение, что избиратель готов голосовать за того политика, имидж которого ближе всего в их сознании совпадает с «идеальным образом». Голосуют за яркую личность и за того, кого сочтут самым эффективно действующим политиком, даже если его программа не совсем

соответствует ожиданиям избирателей. Если среди претендентов нет яркой персоны, то голосуют «за такого человека, как я сам».

Исследование политической идентификации лидера включает два аспекта: мотивы поддержки политика избирателями, субъективное ощущение политиком близости к определенным социальным группам. Выделены пять моделей идентификации избирателей с политическим лидером: ощущение близости своей политической позиции к взглядам лидера; готовность голосовать за него как за личность; ориентация на статус политика; вера в эффективность его действий; неприятие конкурентов политика (негативная идентификация, голосование по принципу «меньшего зла»). В российских условиях во второй половине 1990-х годов голосовали, ориентируясь исключительно на партийную идентификацию политического лидера, 15-18% избирателей (преимущественно стойкие сторонники КПРФ — 10-12% электората, ЛДПР — 2-3% электората, «Яблока» — 3-4% электората).

Ожидания в отношении политического лидера общероссийского уровня связаны в большей степени с его интеллектуальными, нравственными качествами и опытом управления. Волевые, лидерские, коммуникативные качества признаются существенными, но менее значимыми. Собственно политические взгляды общенационального лидера значимы менее, чем первые две группы. Эффективность действий требует от политика не включения всей личности политика с ее целостностью и полнотой проявления в политическую жизнь, а рационального учета всех возможных ожиданий потенциальных сторонников. В результате возникает опасность «отказа от идентичности», когда политик только имитирует близость социальным группам.

При анализе идентификации политического лидера необходимо учитывать объект (с кем или чем — идеологией, партией, социальной группой, интересами группы или института, статусом — идентифицирует себя политик), способ (тип, средства) и степень (высокая или низкая). Наиболее эффективной является ролевая идентификация политика, в зависимости от которой выстраиваются внешние элементы имиджа, речь, текст выступлений. Проанализированы идентификационные стратегии лидеров предвыборной президентской гонки В. Путина, Г. Зюганова, Г. Явлинского. Существенным фактором, повлиявшим на исход президентских выборов 2000 г., была расстановка сил в «поле политики», когда в сегментах «классового давления» и «бюрократического продвижения» располагалось по одному игроку (Г. Зюганов и В. Путин), на сегмент «нерегулируемой конкуренции» претендовали все остальные кандидаты (восемь человек помимо Г. Явлинского). Идентификационные стратегии В. Путина наглядно продемонстрировали использование базовых архетипов сознания российских избирателей (миф о «герое» и миф «тайны»), прежде всего патерналистских составляющих общественного сознания (потребность в защите, в ощущении покровительства). В спонтанных речевых оборотах проявлялись элементы двойной самоидентификации В. Путина: с интеллигенцией советского периода и с «государст-

венным человеком», чиновником. В образе Путина во время избирательной кампании эксплуатировались самодостаточность личности и сила характера.

Укоренившаяся традиция отождествлять с государством все население страны позволяет властным институтам производить логические подмены, объявляя интересы государства приоритетными по отношению к интересам отдельного гражданина и социальных групп. Время лидеров-популистов в России прошло, наиболее востребованным ныне является политик-государственник и авторитарная личность. В параграфе анализируются особенности вербального и визуального имиджа, построения фраз и т.д. основных кандидатов на президентских выборах 2000 г.

На региональном уровне политики выбирают идентификационные стратегии на основе политических ориентаций и предпочтений избирателей и стиля политического поведения статусных персон федерального уровня. Для них политическое самоопределение трансформируется в проблему балансирования между поиском поддержки федеральной власти и населения. В результате возникает ситуация сочетания взаимоисключающих установок или звучат заявления о политическом нейтралитете, необходимости оставаться «вне идеологии».

Структура политического образа включает образ-знание (уровень информированности о биографических данных политика), образ-значение (представление об особенностях личности политика, его политических взглядах, установках, ценностях), образ-прогноз (представление о том, как он может действовать в той или иной ситуации). Имидж политика выполняет следующие функции: функцию идентификации, благодаря которой он становится легко узнаваемым для избирателей; функцию идеализации (создавая образ политика, весьма далекий от реальности); функцию противопоставления, позволяя дистанцироваться от других политиков.

В работе выделяются основные компоненты, этапы создания имиджа политиков, критерии эффективности, виды имиджей российских политиков в зависимости от гендерного признака. На основе проявленности специфической доминирующей черты образа, особого стиля действий в публичной политике, сформированности и устойчивости социальной группы поддержки выделены четыре базовых типа имиджей российских женщин-политиков («деловая женщина», «интеллигентная интеллектуалка», «деятель советского образца», «борец за права»), описаны их особенности. Анализируются особенности восприятия образов двух депутатов Государственной думы (И. Хакамады и О. Дмитриевой) как наиболее ярких примеров первых двух типов политиков, а также социальные характеристики и особенности политических взглядов их групп поддержки. Делается вывод о том, что отношение к женщинам-политикам у избирателей формируется не только под влиянием политических взглядов лидеров, идентификации с их социальной ролью, но, не в последнюю очередь, в зависимости от сознательно выбранного и культивируемого лидерами политического имиджа. Серьезной проблемой остается отсутствие гендерной солидарности с женщинами-политиками.

Значительное внимание уделено исследованию динамики политической идентификации населения Санкт-Петербурга в 1998-2002 годах. Автор опровергает два популярных среди отечественных авторов постулата: а) представление о невозможности формирования устойчивой партийной идентификации в современных российских условиях; б) вывод о кризисе политической идентичности населения в настоящее время. Несостоятельность этих мнений связана как с отождествлением категорий «партийная идентификация» и «политическая идентификация», так и с отсутствием достоверных эмпирических данных у сторонников этой точки зрения. Основой политической идентификации являются и политические взгляды, и особенности мировоззренческих ценностных ориентаций населения. Партийная идентификация не только определяет характер участия в выборах, но также служит способом легитимации существующего политического режима. При совпадении идеологической и партийной идентификаций избиратель автоматически становится стойким сторонником партии. Критерием сформированности политической идентификации является ее устойчивость и непротиворечивость.

Автор показывает динамику самооценки политических взглядов у петербуржцев и оценок близости к установкам парламентских политических партий. Анализируются состояние и особенности (доминирование негативной модели, персонифицированного уровня идентификации некоторых социальных групп в конце 1990-х годов) политических установок различных социально-демографических (пенсионеров, молодежи, женщин) и профессиональных (чиновников, сотрудников МВД, прокуратуры, военных, представителей частного бизнеса) групп, а также групп поддержки политических партий и политических лидеров (В. Путин, В. Черкесов, В. Яковлев, С. Шойгу, Г. Зюганов, В. Жириновский, Г. Явлинский, И. Хакамада, Б. Немцов) у населения Санкт-Петербурга. Проанализированы представления петербуржцев о чертах востребованного образа политика в региональной законодательной власти, на основании чего сделан вывод о решающей роли социальной идентификации избирателей с кандидатами в условиях мажоритарной модели выборов. Политическая идентификация играет подчиненную роль и оказывается значимой только в особых обстоятельствах в момент выборов (например, когда избирателям непосредственно перед выборами сообщается негативная информация о кандидате-лидере, и они голосуют на основе партийных предпочтений). Изменение правил предвыборной агитации в российском законодательстве коренным образом меняет эту ситуацию.

Проанализирована предвыборная ситуация в Законодательное собрание Санкт-Петербурга 1998 г., в частности, причины успеха «Блока Болдырева». На рубеже 1998-1999 годов рост числа сторонников либеральных взглядов и демократических партий достиг пиковой отметки (популярность «Яблока» и ДВР была на 5-7% среди петербуржцев выше, чем в среднем по России) и пошел на спад вплоть до весны 2002 г. Уровень идентификации с КПРФ петербуржцев был в 2,5 раза ниже общероссийских показателей. Вместе с тем

до 45% горожан не имели выраженной партийной идентификации. Это связано со значительным числом «партий-однодневок», представлением избирателей о неэффективности деятельности партий в российских условиях, отсутствием у многих партий программных установок, существенно отличающих одну организацию от другой.

Таблица 1. Динамика идеологической идентификации петербуржцев (%)

Взгляды	1998	1999	2000	2001	2002
Коммунистические	15,5	11,5	11,9	14	9,2
Социал-демократические	8,7	24,0	15,8	16	20,3
Либеральные	35,2	18,9	13,9	14	14,5
Национал-патриотические	2,9	3,8	2,0	3,8	2,0
Монархистские	1,4	1,7	*	*	*
Анархистские	1	1,6	*	*	*
Другие	*	*	4,6	3	3,2
Консервативные	*	*	3,5	3,9	4,9
Смешанные	*	*	*	16,4	18,3
Затрудились с оценкой	19	17,2	22,4	12,1	12,5
Нет политических убеждений	16,3	21,3	25,7	16,8	15,2

* Категория в опросе не выделялась.

Идентификация петербуржцев с политическими партиями весной 2002 г. выглядела следующим образом: «Единая Россия» – 10,6%, «Яблоко» – 6,8%, СПС – 7,0%, ЛДПР – 3,8%, КПРФ – 7,3%, к «другим» партиям тяготели 2,8%. 34,3% посчитали, что ни одна из существующих партий не близка им, 27,3% затруднились с партийной идентификацией. Необходимо признать наличие связи между идеологической и партийной идентификациями петербуржцев (коэффициент Пирсона равен 0,427 в 2001 г. и 0,36 в 2002 г.). Самое высокое соответствие идеологической, партийной и персонифицированной идентификаций наблюдается у сторонников коммунистических взглядов (преимущественно у рабочих и пенсионеров). Носители социал-демократических взглядов (преимущественно гуманитарная интеллигенция) разделяют свои пристрастия между «Единой Россией», СПС и «Яблоком», носители либеральных взглядов – между последними двумя партиями (однако идентификация с либеральными взглядами отнюдь не делает людей сторонниками лидеров СПС и «Яблока»; эти партии также поддерживают петербуржцы, считающие себя консерваторами).

Самая высокая корреляция между партийной и персонифицированной идентификацией у сторонников И. Хакамады и Г. Явлинского. Общий электорат (сторонники «левых» взглядов) у В. Яковлева и Г. Зюганова. Наиболее высокий негативный рейтинг у Г. Зюганова и В. Жириновского, данный показатель резко вырос в 2001 г. у Г. Явлинского. Наиболее узкая группа социальной поддержки у И. Хакамады. Близкими к политическим взглядам В. Путина склонны считать себя сторонники социал-демократической идеологии, сторонники «Единой России» и СПС. «Единую Россию» («Единство» до преобразования) активно поддерживают самые старшие и малообеспеченные горожане (обладатели преимущественно патерналистского типа политического сознания). Можно сделать вывод, что отсутствие «яркого лица»

у политической партии негативно сказывается на отношении к ней. Многомерное шкалирование политических взглядов петербуржцев показало, что наряду с противопоставлением по шкале «правые-левые», «партия власти» – «оппозиция» (первый вариант противостояния менее актуализирован в сознании петербуржцев, чем второй) для них значимыми являются образы «старых» и «новых» политиков (в том числе способ продвижения в элиту). Наиболее активными на выборах 1999 и 2000 годов были сторонники коммунистической и социал-демократической идеологий. В начале 2000-х годов сторонниками консервативных взглядов в Санкт-Петербурге называют себя преимущественно люди (возраст около 45 лет, с высшим образованием), которые в начале 1990-х годов приветствовали либеральные реформы и поддерживали либеральные ценности. Петербуржцы в значительной мере политически толерантны: не более 6% испытывают беспокойство, когда рядом с ними находятся обладатели иных политических убеждений или сторонники других партий. Однако в отношении представителей другой национальности испытывают беспокойство уже 21,7% опрошенных (это чувство в равной степени присутствует у сторонников всех политических взглядов и партий).

Петербургцы с высокой степенью электоральной активности – «голосующие» – люди, по преимуществу относящиеся к старшей возрастной группе с высшим или средним специальным образованием, скептически оценивающие свои социальные перспективы. Они полагают, что принимают решение о голосовании (факте голосования, за кого голосовать) самостоятельно. Проанализированы мотивы голосования за В. Путина в 2000 г. (значимыми были протестные мотивы голосования, надежда на помощь извне, доверие к политику, интеллектуальные, волевые, нравственные качества личности). Активные избиратели придерживаются преимущественно коммунистических, социал-демократических и либеральных взглядов, но между ценностями «равенство» и «свобода» скорее сделают выбор в пользу первого, и для них в равной степени важны права человека и порядок. Избиратели с низкой активностью – «пассивные» – социальные оптимисты (позитивно оценивают перемены и не склонны считать, что в дальнейшем жизнь ухудшится). Обладают смешанными политическими взглядами, а потому в случае мобилизации их на выборы будут голосовать скорее ситуативно «по проблемам». Абсентеисты – «игнорирующие выборы» – преимущественно студенты, безработные и рабочие (хотя ряды абсентеистов пополняются и за счет других групп). К ним относятся не только те, кто не имеет политических установок, но и недовольные существующим режимом. Абсентеисты склонны считать, что политические взгляды В. Путина и С. Шойгу им совсем не близки. Среди них крайне мало носителей коммунистических и социал-демократических взглядов; абсентеисты не видят партию, политические позиции которой совпадали бы с их убеждениями. Для них важны свобода, права человека и справедливость, но при этом эти люди крайне затрудняются в выборе альтернативы между порядком и свободой.

Результаты факторного анализа позволили сделать вывод о трех типах мотивов участия в выборах в Государственную Думу в 1999 г.: а) «этатизм», участие в выборах из чувства долга; голосование является средством демонстрации лояльности государству, прежде всего исполнительной власти (ядро голосующих за «партию власти»); б) «либеральный индивидуализм» с четким осознанием низкой эффективности личного участия в политике; эти люди рассматривают голосование как средство выражения своих политических убеждений (демонстрационный характер голосования, прежде всего за СПС и «Яблоко»); в) «клиентелизм» – надежда на социальную защиту в результате личного обращения с просьбой к политикам, «расчетливое» голосование с символической передачей голоса и одновременно ответственности за свое будущее политикам (сторонники КПРФ голосуют, наряду с преданностью коммунистической идеологии, и по этой причине).

В **Заключении** сформулированы основные выводы диссертационного исследования, определены перспективные направления изучения темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**.

Монография:

1. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 258 с. (15,11 п.л.)

Учебно-методическое пособие:

2. Методика и техника эмпирических политических исследований: учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 160 с. (10 п.л.)

Статьи и тезисы докладов на научных конференциях:

3. Политические институты и политические ориентации населения России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1993. №2. (0,5 п.л.) (В соавторстве с Г.П. Артемовым).

4. Российская интеллигенция: социальный статус и взаимоотношения с властью / Санкт-Петербург в мировой и отечественной истории и культуре XX века. СПб., 1995. (0,6 п.л.)

5. Парадигма самоидентификации в символическом интеракционизме / Социальная философия и философия политики. Т.4. / 1-й российский философский конгресс. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. (0,3 п.л.)

6. Политическая идентичность в кризисном обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1998. Вып. 2. (№13). (0,5 п.л.)

7. Манипулятивные основы избирательных технологий / Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. (1,3 п.л.)

8. Обсуждение проблем и достижений политической науки (аннотированная статья научных докладов на конференции) // Полис. 1999. № 6. (0,1 п.л.)

9. Негативная политическая идентификация / Политическая наука и политический процесс в России: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, октябрь 1999 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. (0,3 п.л.)

10. Политическая реклама в избирательной кампании // Методические мате-

риалы и инструкции для проведения избирательной кампании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. (0,58 п.л.)

11. Электорат политических объединений России: опыт проведения Exit-Pool в Санкт-Петербурге // Полис. 2000. №2. (0,8 п.л.) (В соавторстве с Артемовым Г.П., Чазовым А.В. Авдиенко Д.А.)

12. Идентификации политических лидеров / Выборы – 2000: комплексный подход к проблеме маркетинга политического лидера / Под ред. О.В. Поповой. Материалы межрегиональной научной конференции. СПб, 2000. (0,3 п.л.)

13. О перспективе формирования гражданского общества в России / Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века // Материалы к научно-общественному форуму (14-16 декабря 2000 г.) / Под ред. Проф. В.Г. Марахова. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2000. (0,3 п.л.)

14. Проблемы исследования политической идентичности / Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 1. / Под ред. Г.П. Артемова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. (0,9 п.л.)

15. Модели идентификации основных кандидатов на пост президента России / Политический имидж: «секреты» манипуляции массовым сознанием: Сб. статей / Под ред. проф. Д.П. Гавры. СПб.: АНО «ГЦРОС», 2000. (0,6 п.л.)

16. Партийная идентификация как фактор электорального выбора / Выборы в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты. Материалы научно-практической конференции 26-28 июня 1999 г. / Под ред. М.Б. Горного. Т.1. СПб.: Норма, 2000. (0,4 п.л.)

17. Социально-демографические факторы политической идентичности / *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Ю.Н.Солонина. Серия «Мыслители». Вып. 5. СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2001. (0,9 п.л.)

18. Политическая идентификация петербуржцев как фактор формирования электоральной стратегии / Гуманитарные технологии и политический процесс в России / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. (1,6 п.л.)

19. Политическая идентичность россиян: кризис versus ступени развития / Политические процессы в России: институциональный, идеологический и поведенческий аспекты / Сб. статей / Под ред. О.В. Поповой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. (1 п.л.)

20. Гендерные аспекты политической идентификации жителей Санкт-Петербурга / Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 2. / Под ред. Г.П. Артемова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. (1,5 п.л.)

21. Современная политическая идентификация россиян / Документы и материалы международной научно-практической конференции «Законодательная и представительная власть: история и современность» (к 95-летию начала работы 1-й Государственной Думы России) 19-20 апреля 2001 г., г. Санкт-Петербург. М.: Издание Государственной Думы, 2001. (0,4 п.л.)

22. Новый электоральный цикл: время предложения брэндов / Политические

процессы в России: институциональный, идеологический и поведенческий аспекты / Сб. статей / Под ред. О.В. Поповой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. (0,8 п.л.) (В соавторстве с Никешиним С.Н.)

23. Идентификационные стратегии российских политических лидеров: выборы-2000 / Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы. СПб.: КультИнформПресс, 2001. (0,5 п.л.)

24. Общественные движения как основа формирования политической идентичности в постиндустриальном обществе / Гражданское общество России: стратегия и тактика формирования // Материалы к научному симпозиуму // Под ред. проф. В.Г. Марахова. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2001. (0,4 п.л.)

25. Молодежь в системе политических интересов и партий / Положение молодежи в Санкт-Петербурге: проблемы, тенденции, перспективы. Ежегодный доклад-2000 / Под ред. А.М. Хазова. СПб.: Центр стратегического анализа общественных процессов, 2001. (0,4 п.л.) (В соавторстве с Артемовым Г.П., Авдиенко Д.А., Чазовым А.В.)

26. Имиджи и группы поддержки российских женщин-политиков / Женщина в гражданском обществе: история, философия, социология. Материалы VI международной конференции «Российские женщины и европейская культура», посвященной теории и истории женского вопроса и общественного движения / Отв. редактор проф. Г.А. Тишкин. СПб.: Изд-во С.-Петербургского философского общества и Фонда К. Аденауэра, 2002. (0,2 п.л.)

27. Гражданское общество: в плену навязчивой идеи? / Гражданский Форум. Санкт-Петербург. Вып.2. СПб.: Изд-во С.-Петербургского философского общества, 2002. (0,5 п.л.)

28. Зарубежные политологи о партийной идентификации российских избирателей / Стратегии формирования гражданского общества в России // Материалы Второго российского научно-общественного форума «Гражданское общество в России как демократический проект» (21-23 февраля 2002 г.) / Под ред. проф. В.Г. Марахова. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2002. (0,75 п.л.)

29. Российские женщины-политики: проблемы эффективности имиджа и формирования группы поддержки / Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3. По материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование демократических институтов» в рамках II Российского Общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» 21-23 февраля 2002 г. / Под ред. Г.П. Артемова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. (0,6 п.л.)

30. Политическая идентификация избирателей Санкт-Петербурга (1999–2002 годы) / Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3. По материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование демократических институтов» в рамках II Российского Общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» 21-23 февраля 2002 г. / Под ред. Г.П. Артемова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. (0,9 п.л.)

Попова Ольга Валентиновна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ СТАБИЛЬНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени доктора политических наук

Подписано в печать 22 ноября 2002 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.
Заказ № от 01.2003 г.

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

Попова Ольга Валентиновна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ СТАБИЛЬНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени доктора политических наук

Подписано в печать 22 ноября 2002 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.
Заказ № от 01.2003 г.

Типография Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Попова Ольга Валентиновна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ СТАБИЛЬНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени доктора политических наук

Подписано в печать 22 ноября 2002 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.
Заказ № от 01.2003 г.

Отпечатано на ризографе Междисциплинарного центра СПбГУ
199178, С.-Петербург, 14 линия В.О., 29.